

РОВЕСНИК

9
1980

© «Ровесник», 1980 г.

РОВЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА *Сентябрь, 1980, № 9*

ОЧЕРКИ, РЕПОРТАЖИ, ИНТЕРВЬЮ ИНОСТРАННЫХ И СОВЕТСКИХ ЖУРНАЛИСТОВ О МНОГООБРАЗНЫХ ЛИКАХ СТАРОСТИ

Первоклассник, которого вы видите на первой странице обложки, живет в независимом мирном социалистическом Вьетнаме. Еще совсем недавно эти простые слова могли быть только мечтой. Тридцать лет патриоты Вьетнама боролись за то, чтобы сделать ее реальностью, чтобы вьетнамский народ жил в мире и строил свою жизнь по собственному выбору. И они победили. Вот уже пять лет во Вьетнаме подрастает поколение, родина которого — независимая, мирная социалистическая страна.

Фото В. ВЯТКИНА

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ, В. А. ГУСЕЙНОВ, М. А. ДРОБЫШЕВ, А. А. КАВЕРЗНЕВ, С. Н. КОМИССАРОВ (зам. главного редактора), В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (ответственный секретарь), Б. А. СЕНЬКИН

Художественный редактор О. С. Александрова
Оформление И. М. Неждановой
Технический редактор А. Т. Бугрова

Адрес редакции: Москва, 125015, ГСП, Новодмитровская ул., 5а.
Телефон 285-89-78. Рукописи не возвращаются.
Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 10.07.80. Подп. к печ. 18.08.80. А02696. Формат 84×108 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Уч.-изд. л. 5,5. Тираж 1 150 000 экз. Цена 25 коп. Заказ 947.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

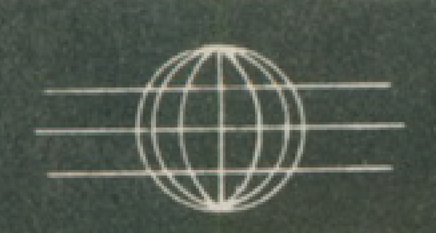
ХАНОЙ. Социалистическим соревнованием, трудовыми подарками встречают вьетнамские юноши и девушки IV съезд Союза коммунистической молодежи Хо Ши Мина, намеченный на октябрь. На каждом предприятии, в каждом коллективном хозяйстве молодые труженики берут повышенные обязательства в честь предстоящего съезда, который должен стать смотром достижений вьетнамской молодежи в труде, учебе, защите социалистических завоеваний.

ГВАТЕМАЛА. 60-летие со дня своего основания отметила Ассоциация университетских студентов Гватемалы (АЕУГ). С первых дней своего существования эта организация была тесно связана с революционной борьбой рабочего класса страны. После военной интервенции США и прихода в 1954 году к власти военно-фашистской диктатуры в одних рядах с рабочим классом АЕУГ ведет борьбу за права человека и демократические свободы, и прежде всего за право на жизнь. Несмотря на жестокие репрессии, студенческая организация постоянно проводит митинги протеста против диктатуры, акции международной солидарности в поддержку кубинской революции, борьбы чилийского народа против хунты, против американского империализма. Сейчас АЕУГ принимает активное участие в Демократическом фронте против репрессий военной диктатуры.

КАРЛ-МАРКС-ШТАДТ. Здесь встретились старые друзья — рабочие химического комбината Биттерфельд и Волгоградского алюминиевого завода. Двадцать лет назад молодежь этих предприятий начала обмениваться производственным опытом: стажировки на предприятиях-побратимах, плавки дружбы, совместная работа на молодежных стройках, совместные исследования — так развивалось и крепло их сотрудничество. И теперь фестивали дружбы молодежи СССР и ГДР стали уже доброй традицией.

На снимке: на фестивале дружбы в Карл-Маркс-Штадте.

СИДНЕЙ. Здесь прошел III съезд Социалистического союза молодежи Австралии (ССМА). За шесть лет со дня своего основания ССМА добился больших успехов в деле сплочения прогрессивных сил молодежи, укрепления своих рядов. «Нашей главной задачей, — говорится в основном документе съезда, — является создание организации, которая смогла бы превратиться в самую массовую организацию австралийской молодежи, способную эффективно проводить идеи социализма в массы».

БУХАРЕСТ. В пионерских лагерях провели летние каникулы более 1,3 миллиона румынских детей. В городах и районах на базе школ и Домов культуры действовали «летние клубы», где ребята занимались техническим творчеством, художественной самодеятельностью, спортом. Десятки тысяч старшеклассников работали в добровольческих отрядах на республиканских молодежных стройках.

ПАРИЖ. Недавно здесь состоялся праздник, организованный Движением коммунистической молодежи Франции и его газетой «Авангард». Тысячи молодых рабочих и фермеров, студентов и школьников со всей страны приняли участие в митингах и политических дискуссиях, обсуждении острых социальных проблем, побывали на концертах и театральных представлениях молодежных коллективов.

АММАН. Взрыв возмущения среди арабского населения Западного берега реки Иордан вызвали покушения на жизнь мэров городов Наблуса, Рамаллаха и Эль-Бира. В ответ на эту провокацию в городах и селениях на оккупированных Израилем территориях прошла всеобщая забастовка, были закрыты учебные заведения и магазины, парализован транспорт, состоялись массовые демонстрации протеста.

На снимке: израильские оккупанты в охваченном забастовкой Наблусе.

МАНАГУА. В Никарагуа близится к успешному завершению начатая в марте этого года кампания по ликвидации неграмотности среди населения молодой республики. В ней участвуют более двухсот тысяч добровольцев, задача которых — научить читать и писать всех неграмотных граждан Никарагуа старше десяти лет. Международные организации, прогрессивная общественность многих стран оказали материальную и моральную поддержку кампании за всеобщую грамотность в Никарагуа. Так, например, в отдаленных районах страны работает международная бригада солидарности имени Оливьеро Кастанеда де Лиона, лидера гватемальского студенческого движения, убитого в 1978 году. В эту бригаду, сформированную Международным союзом студентов, вошли молодые учителя из двадцати стран четырех континентов мира.

СТАМБУЛ. Как сообщает журнал «Всемирные студенческие новости», недавно здесь прошла международная неделя солидарности с борьбой студентов Турции против угрозы со стороны крайне правых. По сообщениям прогрессивной турецкой печати, в стране резко активизировалась деятельность так называемых «серых волков» — военизированных неофашистских группировок. Только за последние два года число их жертв превысило четыре тысячи. В этом году террористы убили десятки преподавателей, сотни студентов вузов. Вооруженные нападения «серых волков» нарушают учебный процесс, срывают занятия. Молодежь страны усиливает борьбу с фашиствующими элементами. По всей Турции проходят забастовки, демонстрации и митинги под лозунгом: «Фашизм не пройдет!»

МЕХИКО. Десятки тысяч молодых мексиканцев в разных городах страны участвовали в демонстрациях солидарности трудящихся Мексики с борьбой народов против империализма, за мир и социальный прогресс. Демонстранты несли транспаранты, осуждающие авантюристические действия милитаристских кругов США, в поддержку афганской революции, миролюбивой политики Советского Союза.

На снимке: демонстрация в столице Мексики.

Смотрите: СРВ — 35 лет

Тридцать пятую годовщину независимости отмечает в сентябре социалистический Вьетнам. Из них тридцать лет прошли в борьбе с внешними врагами и внутренней контрреволюцией. Вьетнам выстоял. Выстоял и победил. Зазеленели израненные бомбами и снарядами поля, мирная жизнь пришла в города, люди получили возможность заняться созидательным трудом, дети вновь обрели счастливое детство. Жизнь одержала победу.

Фото В. ВЯТКИНА

НАВСТРЕЧУ XXVI СЪЕЗДУ КПСС

«МЫ ПОСТАВИЛИ ПЕРЕД СОБОЙ ТАКУЮ КАПИТАЛЬНУЮ ЗАДАЧУ, КАК ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА И КАЧЕСТВА РАБОТЫ. ОНА ДОЛЖНА БЫТЬ ПОСТОЯННО В ПОЛЕ НАШЕГО ЗРЕНИЯ».

(Из доклада Л. И. Брежнева на Пленуме ЦК КПСС 23 июня 1980 года)

ДОБРОЕ СЛОВО ТРАКТОРУ

На Минском тракторном заводе с конца прошлого года работает группа инженеров фирмы «Гисаг» из ГДР. В сотрудничестве с советскими инженерами, техниками и рабочими они устанавливают в одном из литейных цехов завода автоматическую формовочную линию.

Комбинат литейного оборудования и литых изделий «Гисаг» — известная фирма. В более чем двадцати странах мира — в высокоразвитых промышленных государствах, а также в молодых, вступивших на путь своего промышленного развития, — надежно работают высокопроизводительные линии и машины из ГДР для изготовления литейных форм. Восемь золотых медалей получила продукция с маркой «Гисаг» на различных национальных и международных ярмарках и выставках Минский завод, выпускающий знаменитые на весь свет «Беларуси», осуществил взаимовыгодное дело, купив оборудование для литейного производства у фирмы «Гисаг» и пригласив для помощи в его установке специалистов этой фирмы.

Мы побывали на заводе, когда монтаж основного оборудования подходил к концу, а вся работа приближалась к середине. К этому времени инженеры из ГДР вместе с инженерами, технологами и рабочими завода, направленными на монтаж линии, уже составляли сплоченный коллектив людей.

Автоматическая линия не сможет работать без вспомогательного советского оборудования (можно сказать, что принцип сотрудничества заложен в самом проекте). В Советском Союзе уже работают четыре подобные линии, и отзывы о них так хороши, что, как сказали нам инженеры из «Гисаг», предполагается установка еще двадцати двух новых линий. С началом работы линии здесь, в Минске, завод выиграет в главном — в качестве работы.

...Перед самой командировкой в Минск, на тракторный завод, инженер фирмы «Гисаг» Бернд Биттерлих ездил к родне в Мекленбург и там прокатился на тракторе. У Биттерлиха был отпуск — время, которое он любит проводить однообразно: ловить рыбу и хозяйничать в саду, забыв о работе. Но в Мекленбурге он увидел «Беларусь» и о работе вспомнил. Он спросил родственников, членов местного сельскохозяйственного кооператива, хорошая ли машина — трактор «Беларусь»?

— Хорошая, — заверила родня, — сеет, пашет, возит грузы: безотказная машина. Сам попробуй.

И Бернд Биттерлих под аплодисменты собравшихся на «Беларуси» прокатился «в виде дружеского шаржа».

— Хорошая, — сказал он тоже, но члены сельскохозяйственного кооператива только усмехнулись.

Потому что, чтобы оценить такую машину, надо на ней пахать и сеять и еще вечером машину мыть — надо с машиной работать.

Разъезжая по белу свету по делам фирмы, инженер часто встречал этот трактор, работящую машину красного цвета (экспортный вариант). И сейчас он задумался: где встречал?

Сейчас он сидит в комнате, отведенной специалистам из ГДР, где у двери на вешалке висят куртки и строительные каски (рабочее место специалистов — цех, поэтому строительные каски, а в комнате хранятся чертежи и словари).

Идет разговор о сроках завершения монтажа.

— К ноябрьским закончим.

— Может быть, и закончим.

— К ноябрьским должны, — говорит Ганс Зибенайхер.

Ему можно верить, потому что у него есть трехлетний опыт работы в городе Купянске Харьковской области, где теперь работают четыре линии фирмы «Гисаг». В Купянск перед началом монтажа на заводе ездил технолог Иван Глебко. И в Купянске его предупредили: немецкая линия потребует большой точности монтажа. То есть большой точности монтажа обязательно будут требовать немецкие специалисты, заинтересован-

ные в том, чтобы линия работала с большой точностью. Это понятно: пусть создатели трактора скажут доброе слово создателям линии конвейера.

Ганс прекрасно говорит по-русски. Он говорит:

— Наша линия даст двадцать процентов прироста мощности цеха, принесет условное освобождение тридцати человек. Уменьшится загазованность воздуха в цехе, снизится брак, повысится производительность труда. Я считаю, что главное здесь, конечно, производительность труда.

Впрочем, — сказал Ганс, — люди, которые станут работать на тракторах, детали которых будут отлиты на нашей линии, эти люди никаких перемен не ощутят. Для них это будет все равно.

И сначала кажется, что он абсолютно прав. В Потсдаме, где живет Ганс (где родился его сын Андрей), там тоже работают тракторы «Беларусь». Ганс их видел, например, на стройке. Он заметил, что тракторы разноцветные. А здесь, на заводе, узнал, что выходят из ворот тракторы для Советского Союза — синие, для заграницы — красные. Вот в чем дело: трактор «Беларусь» надежный и настолько долговечный, что за время службы его несколько раз нужно перекрасить, если хозяин добрый.

Заметит ли потсдамский строитель, водитель «Беларуси», или мекленбургский сельскохозяйственный рабочий, член кооператива (водитель «Беларуси»), заметят ли они что-то новое в звуке мотора, детали которого отлиты на новой автоматической линии фирмы «Гисаг»?

— Конечно, нет! Никаких изменений в конструкцию трактора линия не внесет.

Технолог Иван Глебко провел в литейном цехе маленькую лекцию. Инженеры не слушали, они это знали. Они ушли к своей линии.

— Смотрите, — закричал Глебко в грохоте цеха, в гордости.

Как бы три времени соединились в литейном. Вот стоит рабочий и правит вручную механизмом — он пашет наравне с машиной: готовит форму и заливает ее кипящим металлом. Вот уже сидит рабочий, и конвейер подносит ему новые порции его работы, но грохот и гарь по-прежнему. А вот большой конвейер, и литейщики ходят перед ним, разливают металл, и видно, что здесь работа, конечно, куда легче. А новая линия вообще перенесет цех в будущее, которому настала пора быть настоящим.

По сравнению с шумом работающего цеха на монтаже линии стоит, можно сказать, тишина. Три человека будут управлять (стоя у операторского пульта) самой большой, как сказал инженер Биттерлих, автоматической формовочной линией в СССР.

С нуля начинала монтаж линии бригада слесарей-монтажников Александра Рудакова.

— Трудно было, пока Ганс не приехал. Он как второй переводчик.

— Принесли разговорник, а что разговорник? Язык чертежей всем нам понятен.

— Помнишь, все так же было поначалу, когда с венграми строили цех окраски кабин. А потом стали

совсем друг друга понимать. Габор, в очках, выучил русский почти что в совершенстве.

— Сейчас там красиво, чисто, приятно посмотреть. Я когда попаду туда — любуюсь: это же мы делали.

— Хорошо получилось, правда?

— И здесь будет нормально.

— А было так, что заместитель директора по цеху с зонтиком ходил!

А про трактор сказали:

— У нас тут все из села, все трактор водили, все за рулем сидели. Трактор наш хороший, но его еще можно улучшать.

— Кабину сделать попросторнее, поудобнее.

— Чтобы человек работал на тракторе свободно, легко, не утомляясь от неудобства.

— Мой брат тракторист, — сказал монтажник Николай Цвикевич, молодой коммунист, — и отец на ферме работал. Отец помнит, что наш трактор был когда-то совсем несовершенный. Мог только возить грузы. Сеять не мог — сеялке не мог передать силу работы.

— Старые марки: МТЗ-3, МТЗ-5...

— А теперь есть трактор для виноградников и трактор для хождения по крутым склонам. Я сейчас вам нарисую схематично, как у него колеса идут...

Вот какие разговоры ведутся во время перекура. Потом ребята вновь надевают каски и отправляются в цех. Когда почти четыреста тонн оборудования плюс восемнадцать электроники, плюс сколько-то «формовки» будет смонтировано на линии в полном соответствии с чертежами (язык которых понятен здесь всем) — линия пойдет. Но пройдет еще несколько месяцев, пока линия будет доведена. До тех пор ни Ганс, Клаус, ни Бернд уезжать не собираются.

Но потом, когда они уедут, кто-то из бригады с удовольствием зайдет в литейный и полюбуется на общую работу.

— Красота, — скажет. — Одно удовольствие здесь работать.

И где-то в Потсдаме строитель сядет в новый трактор и в свое удовольствие поведет его.

— Хвала создателям машины.

Он душу трактора поймет: легко и радостно создавалась машина.

Нина ЧУГУНОВА,
А. ЗЕМЛЯНИЧЕНКО (фото),
наши спецкоры

ИМ БЫ ОБЫЧНУЮ ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ ПО-ЧЕЛОВЕЧЕСКИ

Материалы этой подборки — о старости. Легко представить недоумение читателя: с чего это, мол, редакция обратилась к столь неактуальной для молодежного журнала теме?

Но, во-первых, если говорить вообще, молодым вовсе не грех хотя бы изредка задумываться пусть и о далекой, однако же, увы, неизбежной перспективе состариться. Это помогает больше ценить собственную молодость и с большим пониманием и чуткостью относиться к старости других.

А во-вторых, если говорить конкретно, в материалах этого номера рассказывается о тех многообразных ликах старости, которые, как правило, определяются не столько течением времени, сколько законами буржуазного образа жизни.

Именно эти законы неестественно и несправедливо приближают для миллионов и миллионов людей старость духовную, нравственную да и физическую, превращая в стариков, выброшенных из активной общественной и трудовой жизни, тех, кто едва успел, а часто еще и не успел в нее вступить.

Между тем поступают сведения, что наука вплотную подошла к разгадке физиологических тайн долголетия. Вот что недавно писал по этому поводу американский журнал «Лайф»:

«Не пройдет и нескольких десятилетий, как наука достигнет того, что возраст в 100, 200, 400 лет и выше станет нормальным для Homo sapiens. Уже сейчас ведутся работы, которые сделают нас всех долгожителями. Это:

ТРАНСПЛАНТАЦИЯ, которая позволит заменять больные органы — вплоть до того, что можно будет заменить все тело;

РЕГЕНЕРАЦИЯ, в результате которой будут обновляться наши клетки;

ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ ЛИПОФУЗИНА — разновидности клеточного шлака, который, по мнению многих специалистов, способствует старению;

ОСОБАЯ ДИЕТА, благодаря которой отодвигается порог возмужания, а значит, и старения. У людей среднего возраста такая диета поможет обновить иммунную систему;

ПОНИЖЕНИЕ ТЕМПЕРАТУРЫ ТЕЛА, что одно может привести к продлению человеческой жизни.

Будущее многообещающе, и многие ученые считают, что проблема старения может быть решена при жизни уже ближайших поколений.

Но в связи с этим возникают и вопросы.

Если продление жизни станет вещью обыденной, что мы будем делать со всеми прапрапрабабушками и прапрапрадедушками? Будут ли они вечно *занимать рабочие места?* (здесь и далее курсив мой. — *В. Б.)* А если нет — *кто будет содержать их?*

С другой стороны: что, если первые методы продления жизни *окажутся слишком дорогими?* Будет ли это означать, что только богатые смогут повернуть стрелку часов вспять или что власть имущие будут сами выбирать Мафусаилов, основываясь на таких критериях, как *расовая принадлежность, выдающиеся способности или политическая благонадежность?*

Все эти вопросы потребуют решения. Нам есть о чем подумать, чтобы постараться предотвратить шок от будущего».

Итак? Итак, человечество вплотную приблизилось к практическому осуществлению самой фантастической из своих фантазий. Еще и еще раз человеческий разум демонстрирует свое поразительное могущество, а наука — неограниченные возможности, но...

Но не случайно, рекламируя «многообещающее будущее», публикация в «Лайфе» предлагает читателям поразмыслить над вопросами, которые «потребуют решения... чтобы предотвратить шок от будущего».

Экое фарисейство, впрочем, обычное для буржуазного общества, представлять мир капитала миром, в котором достигнуто всеобщее благоденствие! Можно подумать, что вопросы, над которыми предлагается поразмыслить, возникнут лишь в будущем, а не терзают капиталистическое общество уже давно и сегодня в особенности. Не меньше фарисейства и в приглашении, обращенном ко всем и каждому (еще бы, ведь речь идет о так называемом свободном мире подлинной демократии!), принять участие в обсуждении вопросов, связанных с грядущим долголетием. Будто буржуазное общество готово прислушаться и последовать любому разумному предложению для их решения.

Будь так, капитализм должен был бы не мешкая сам на себе поставить крест, чего он делать явно не собирается, как не собирается, а вернее попросту не способен, предоставить каждому человеку право на социальное и политическое равенство.

Имеет ли смысл думать о том, как обеспечить рабочими местами будущих «прапрапрабабушек и прапрапрадедушек», когда сегодня, сейчас миллионы и миллионы молодых, энергичных, здоровых людей в странах капиталистической Европы и Америки живут с гнетущим сознанием, что они лишние, ненужные обществу люди, для которых нет и не предвидится работы?

Можно ли поверить, что продление жизни станет в мире капитала всеобщим достоянием, а долгожители — предметом заботы буржуазного общества, когда и сегодня, сейчас миллионы и миллионы пожилых людей прозябают в нищете и забвении?

«А что, если методы продления жизни окажутся слишком дорогими?» — прикидывается наивным «Лайф», словно не ведая, скольким миллионам американцев уже сегодня, сейчас не по карману куда более простое лечение.

Вот и получается, что капитализм не приспособлен для реализации достижений науки на благо человека, во имя человека.

Иное дело, когда речь идет об использовании научных открытий для уничтожения людей, для создания самых изуверских систем оружия массового убийства. Здесь, как говорится, «нет проблем», ибо капитализм озабочен не жизнью человека, а собственным выживанием вопреки логике исторического развития, вопреки интересам человечества.

Человечество, разумеется, заинте-

ресовано в продлении жизни (неважно, теми ли средствами, о которых пишет «Лайф», или другими), однако человечеству да и каждому человеку далеко не безразлично ее качество. Более того, для Homo sapiens — человека разумного — это важнейший, решающий вопрос.

Казалось бы, трудно найти что-либо общее между безработным из ФРГ, получившим пятьсот отказов на предложение продать свой труд и оказавшимся вместе со своей семьей в ужасающем материальном положении, и втянувшейся в торговлю недвижимостью американкой — обладательницей особняка на фешенебельном курорте, роликовых коньков и «мерседеса». Сравнивать их — представителей полярных классов — просто кощунство. Но в трагедии их судеб отражается та драматическая ситуация, когда одни не хотят, а другие не могут жить по-старому, ибо общество, в котором они живут, не только растоптало права трудящегося человека, демонстрируя циничное пренебрежение к единственному «капиталу», которым он располагает, — способности трудиться, но и низвело до убожества, духовного маразма, звериного эгоизма и леденящего равнодушия нравственную атмосферу в своей среде.

И молодая американка из очерка «А что еще делать?», и западногерманский рабочий из очерка «Голубой конверт Вернера Шольца» по разным причинам пришли к выводу: жизнь кончена, так жить невозможно. Но если источник бед Вернера Шольца ему хорошо известен, если перед ним открыта перспектива трудной, опасной, но преисполненной достоинства борьбы за свои права, то с кем бороться некогда уповавшей на так называемую «молодежную революцию» 60-х годов, которую пытались поднять против буржуазного общества его же дети, жительнице американской Венеции? Ведь изменить своему классу эксплуататоров, вступить на путь подлинной классовой борьбы на стороне угнетенных многим детям буржуа попросту не под силу.

Так приходит старость. Так пришла она к тем, о ком рассказывается в этом номере: к ветеранам грязной войны во Вьетнаме и французским парням и девчонкам, коротающим время в самоубийственном бродяжничестве, так коснулась детей, выставленных родителями на позор, ради успеха среди тех, кто, как и мертвые, позора не имут.

Враждебная человеку природа капитализма проявляется не только в вопиющих социальных противоречиях, не разрешимых в условиях буржуазного общества, но и в самой его атмосфере, в его моральном, нравственном климате, в его уродливых нормах и трагичных результатах.

Как уже говорилось выше, материалы этой подборки — о старости. О старости, как состоянии обреченности, бесперспективности, бездуховности. Независимо от возраста. Независимо от успехов в трансплантации, регенерации и т. д. и т. п. Это материалы о старости тех из твоих сверстников, наш молодой читатель, кто либо отвергнут, либо отравлен, либо обманут обществом.

Им бы не 400 лет, им бы обычную жизнь прожить по-человечески.

В. Б.

Выписка из анкеты:

Фамилия, имя — Шольц, Вернер
Возраст — 35 лет
Семейное положение — женат
Дети — дочь Ингеборг — 11 лет, сын Петер — 6 лет
Государственная принадлежность — гражданин ФРГ
Образование — реальная школа
Особые приметы — нет
Специальность — безработный

ГОЛУБОЙ КОНВЕРТ ВЕРНЕРА ШОЛЬЦА

Он сидел за столиком привокзального уличного кафе и, судя по тому, что пивная пена в кружке успела опасть, не мучился жаждой. Я тоже заказал пиво и присел рядом. В этот ранний час здесь было пусто. Лишь редкие пассажиры торопились выпить кружку на дорогу. Сосед по столику явно никуда не спешил, я и решил «разговорить» его. Случись это в северных землях, например в Гамбурге, мне пришлось бы немало потрудиться: там расспросы первых встречных вызывают недоверие. На берегах Среднего Рейна люди более общительны. А Вернер Шольц оказался коренным жителем Кёльна. Наверное, похожую историю можно было бы услышать не только здесь — в другом городе, от другого человека и при других обстоятельствах... Вернеру Шольцу спешить было некуда, да и поговорить хотелось — с незнакомым это бывает легче.

● ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ ● «ТРУД — МОЙ ЕДИНСТВЕННЫЙ КАПИТАЛ» ● НАЛОГ НА БУДУЩИЕ ПОХОРОНЫ ● ДИРЕКЦИЯ ФИРМЫ «БОРЗИГ И ШУЛЬЦ» УВЕДОМЛЯЕТ... ● 500 ОТКАЗОВ... ● ДОПРОС С ПРИСТРАСТИЕМ ● ИЗ ШКОЛЫ — В БЕЗРАБОТНЫЕ ● ВНИЗ ПО ЛЕСТНИЦЕ, ВЕДУЩЕЙ ВНИЗ ● «НЕТ ЛИ У ВАС БОГАТОЙ ТЕТУШКИ?» ● КТО СОЗДАЕТ ЛЕГЕНДУ О «ЛЕНИВЫХ РАБОЧИХ» ● КУДА ИДУТ ВЗНОСЫ ЗА СТРАХОВКУ ПО БЕЗРАБОТИЦЕ ● КОГДА НАСТУПАЕТ «НЕПРОДУКТИВНЫЙ ВОЗРАСТ»?.. ●

Собачья жизнь! Вы не находите? Значит, у вас нет к тому оснований. А у меня они есть. У меня вообще только и есть, что основания считать жизнь собачьей.

Посмотрите-ка вокруг! Двадцать лет назад я плюнул бы в лицо тому, кто сказал бы, что я попаду в такую историю. А теперь таких, как я, сколько угодно. Единственный капитал, который я могу выгодно пустить в оборот, — мой труд. Но капитал, не пущенный в оборот, тает как сахарная вата во рту...

А началось все с голубого конверта... Может быть, и раньше, с того самого дня, как я увидел белый свет. Иной раз мне кажется, что начала никогда не было, что всегда была какая-то тоскливая середина, что жизнь даже не тащит меня куда-то вместе со всеми, а крутит на одном месте. Кругами...

Хотел бы я знать, кто это первым придумал: тебя выгоняют с работы, но, чтобы дать пинок под зад, надевают лакированный ботинок. Это я о голубом конверте.

В тот день я пришел домой поздно, после вечерней смены, и сразу же разозлился на жену. Из-за Петера. Она говорила, что его надо показать врачу. А я говорю, куда торопиться, можно и подождать денек-другой, может, поправится и так. Он часто болел, а в том месяце у меня был неприятный разговор с председателем больничной кассы об увеличении ежемесячного взноса. К тому же я и сам уже несколько раз обращался к врачу: радикулит. Когда жена успокоилась, мы сели и начали считать: только что зарплата была. Подоходный налог, больничная касса, взносы на пособие по безработице, на будущую пенсию. У «Форда» (западногерманский филиал американского автомобильного концерна «Форд» находится в Кёльне. — *Авт.*) берут даже на будущие похороны. Хватит тебя кондрашка на конвейере, и несут под белым покрывалом — хоронят за счет твоих взносов... Ко-

роче, трети зарплаты как не бывало. Плюс за квартиру, плюс кредит... Вот тут-то жена и вспомнила про конверт. «Там тебе, — говорит, — письмо, со штампом. Без марки. Может быть, из банка?» Недели две назад мы посылали в банк запрос о ссуде: квартплата так скачет вверх, что мы решили залезть в кабалу и построить небольшой дом.

В прихожей лежал голубой конверт. Я вскрыл его. «Дирекция фирмы «Борзиг и Шульц» уведомляет вас, что в связи с реорганизацией и переоборудованием предприятия, рассчитанными на длительный срок, она не считает возможным сохранять за вами рабочее место». Внизу стояла подпись самого господина Борзига.

Я и раньше слышал, что мастерские собираются закрывать, да все не верилось. Думал, обойдется.

На другой день и в самом деле пришло письмо из банка. Нам давали ссуду на выгодных условиях — три года без повышения процентов. Только теперь она была нам нужна, как священнику фрак.

Отправился я утром на Хазельбергштрассе (там находится кёльнская биржа труда. — *Авт.*). На бирже я проболтался больше года, пока не перестал получать пособие. А потом плюнул и начал строчить во все концы прошения о работе. Накатал около пятисот писем и получил столько же отказов. А я все пишу... Хотя больше так, по привычке. Когда-то я собирал для сына коллекцию негашеных почтовых марок: здорово они пригодились.

Хотите послушать, как я получал «АЛГ» («арбайтслозенгельд» — пособие по безработице. — *Авт.*)? Более унизительную процедуру трудно себе представить. Твоим словам веры нет, ты все должен доказывать, свидетели, бумажки, словно обвиняемый на суде. Ты, например, говоришь, что побочного заработка у тебя нет. Докажи. Ты говоришь, что жена не работает. Тебе отвечают: докажи. Ты говоришь, что у тебя нет собственного дома, участка и другой недвижимости. Тебе предлагают это доказать. А потом начинают выпытывать, где работал последние три года, аккуратно ли платил страховку по безработице.

А все дело в том, что даже для того, чтобы получить пособие, нужно перескочить через несколько барьеров. «АЛГ» получает только тот, кто вовремя зарегистрировался на бирже, кто за последние три года работал по крайней мере 26 недель и платил страховку. Если узнают, что ты где-то подработал или отказался от предложенной работы, сразу же лишат пособия.

Их послушать, так оказывается, из миллиона безработных «настоящих»-то у нас не больше половины. А почему? Потому что, мол, не каждый безработный хочет работать. И далеко, мол, не каждый по-настоящему ищет работу. Все это чепуха! А что такое «настоящий» безработный? Нельзя же утверждать, что каждый, кто не получает пособия или помощи, «ненастоящий» безработный. Как раз они-то и есть самые настоящие. Если, например, кончил школу, а места тебе нету, ты какой безработный, настоящий, или, может, ты не хочешь работать?

Допустим, вы каменщик и получали на прежней работе сносную зарплату. А теперь мыкаетесь по биржам, и вам предлагают все что угодно, только не то, что вас устраивает. Или возьмите таких, как я: все умею делать, а квалификации у меня нет, нигде я не учился. Для таких, как я, выбор невелик: либо мастерская, либо фирма-карлик, которую и в телефонном справочнике не отыщешь. На фирме поменьше и зарплата поменьше, а то еще и профсоюза нет, так что и будущее «АЛГ» не заработаешь. К тому же надо переучиваться. Полгода, а то и год. Разумеется, кое-что и в это время платят. Это самая последняя ступень, на которую опускается безработный. Точнее, предпоследняя. Последняя, это когда кладешь зубы на полку, когда теряешь право даже на такую «помощь»... Но в этот подвал лучше не заглядывать.

По всем этим ступенькам я уже прошел. Сначала получал «АЛГ», как и всякий порядочный безработный. Потом перешел на «АЛХ» («арбайтслозенхильфе» — помощь по безработице. — *Авт.*). Знаете, как мы называем «АЛХ»? «Альмозенхильфе» — нищенская помощь. Но, может, вы думаете, что уж «альмозенхильфе», как милостыню, дают просто так? Ничего подобного.

Когда срок выдачи пособия у меня кончился, я пришел на биржу за своим «АЛХ». И тут начался настоящий допрос, будто я жулик и хочу прикарманить эту помощь. «Нет ли у вас богатой тетушки или знакомых, которые могли бы одолжить вам тысяч восемь с выплатой в рассрочку?» Я еле сдержался, чтобы не послать чиновника к тетушке. Но потом узнал, что вопрос-то был вовсе неспроста. Если бы такая тетушка нашлась, не видать мне «АЛХ», хотя бы она мне и не дала ни гроша.

Но проходит еще год, и вы спускаетесь еще ниже. Теперь мне дают так называемую «социальную помощь». Уж от нее точно не разжиреешь. Выход один — подрабатывать чем бог пошлет.

Весной и летом куда ни шло — пристроишься на сезон грузить овощи и фрукты, мыть машины, разносить почту, расчищать теннисные корты, продавать в киосках новинки кухонной техники.

Прошлым летом я два месяца стоял за прилавком на Хоэштрассе, рекламировал и продавал новую овощерезку. Это занятие, скажу честно, пришлось мне по душе. Фирмы на рекламные расходы не скупятся, да и время летит незаметно. Приходится, правда, всякое придумывать, чтобы убедить в достоинствах товара, которых у него, может, и нет.

Сначала нужно собрать небольшую толпу. Если удалось завладеть вниманием хотя бы трех-четырех человек, считай, полдела сделано. Первыми обычно подходят пенсионеры с собач-

ками или свой брат безработный. На этих рассчитывать не приходится. Но там, где остановились трое, всегда соберется толпа. А мимо толпы не пройдет ни одна домашняя хозяйка. Вот для них-то и стараешься.

Хуже зимой. Тут у нас, в Кёльне, часто проходят разные технические международные выставки, а к технике я с детства неравнодушен. Сколько помню себя, всегда что-нибудь чинил или мастерил. В прошлом году на ярмарке «Техника для дома» я устроился стендистом — давал пояснения к товарам. С тех пор мне иногда удается поработать день-другой. Но все это, разумеется, на один день, а уж планы на неделю или на месяц я и не строю.

Сейчас везде нужны квалифицированные специалисты, «мастера на все руки» у нас в почете. А я уж вам говорил, мне учиться не пришлось. В 13 лет пошел работать. Сразу, как умер отец. Он работал у «Форда» мастером по сборке и зарабатывал довольно прилично. А как умер... Нас было трое детей — я и двое старших братьев, и всем нам пришлось идти работать. Учеником на производстве я не хотел — мало платили, да и гарантий никаких, что потом возьмут, куда захочешь. Вот и начал я: забивал сваи, чинил пылесосы, работал рассыльным. Наконец, зацепился на мебельной фабрике — обтягивать диваны и кресла. Заработок меня вполне устраивал. Но когда женился, денег стало не хватать. Приятель помог устроиться на сталелитейный завод в Оберхаузене.

Через три года завод закрыли из-за «нерентабельности». А попросту говоря, его «съел» «Тиссен» (один из крупнейших стальных концернов ФРГ. — *Авт.*). Некоторым из нас посчастливилось перейти к «Тиссену». Меня тоже взяли, в литейный цех, на подготовку форм.

Но вскоре на заводе стали монтировать новое оборудование, и многих уволили, меня тоже. По «недостатку квалификации». Честно говоря, я тогда не слишком огорчился.

После этого где я только не работал. Дольше всего я продержался в мастерских при «Байере» в Леверкузене («Байер» — один из крупнейших химических концернов ФРГ; Леверкузен, где находится его филиал, — небольшой промышленный городок, практически сросшийся с северной окраиной Кёльна. — *Авт.*). Но и оттуда уволили. Взяли в мастерские по металлоремонту «Борзиг и Шульц». Там же, в Леверкузене.

Теперь, когда вспоминаю, сколько раз меня увольняли, думаю о том, как все-таки мы беззащитны. Помню, однажды у нас на «Байере» разразился скандал. Ведущий химик выдал конкуренту какую-то важную формулу. Думаете, его судили? Или отправили ему письмо в голубом конверте? Ничего подобного. Ему, правда, предложили уйти, но выплатили отступные — 50 тысяч марок.

А уволить рабочего человека ничего не стоит. Говорят, если рабочий «своим поведением» нарушил договор с работодателем, то он дал повод для увольнения и тем самым «спровоцировал рост безработицы». Если суд так решит, то никаких пособий не получишь. Таких случаев не сосчитать. Например, отказался от предложенной работы, а суд квалифицирует ее как «посильную».

Это хитрая штука. Предприниматели полагают, что для безработного любая работа «посильна», даже если платят за нее мало и она не соответствует специальности. Не соответствует, так пускай, мол, переучивается. Кое-кто идет переучиваться. Его зачисляют на курсы, выплачивают ему «социальную помощь», а через год выясняется, что на эту специальность спроса уже нет. И он опять безработный, так сказать, в квадрате.

Бывает, конечно, что увольняются и по собственному желанию. В основном из-за невыносимых условий. Лично мне совершенно ясно, что если на воротах «Кункель и сын» вывесили на доске объявлений перечень специальностей, «в которых нуждаются», то это значит, что условия труда там, как в аду.

В прошлом году Федеральное ведомство труда наложило 200 тысяч запретов на выдачу пособий. Одним — за то, что уволились «по своей воле», «без согласия работодателя»; другим — за то, что не согласились на «посильную» работу. Вот так и создается легенда о «ленивых рабочих».

Мой хозяин, господин Борзиг, считал себя большим знатоком экономики. Он любил повторять, что главная причина безработицы — «двойные заработки». Он имел в виду те семьи, где работают и жена и муж. Все доказывал, что безработные злоупотребляют пособиями, что, дескать, иной семье вполне хватает доходов мужа, но жена тем не менее идет записываться на биржу. Мол, из-за таких несознательных женщин преувеличиваются масштабы безработицы. Легко так говорить тому, кто гребет лопатой тысячи. Ему-то ведь не приходится записывать на пачке сигарет, за сколько кружек пива можно еще заплатить в этом месяце!

Но обиднее всего, когда такие строят из себя благодетелей... Сейчас я все объясню. К моему соседу Рольфу, он работает на пивоварне «Штерн-Кёльш», приехал из Штутгарта двоюродный брат. Он рассказал нам такое, что мы с Рольфом целую неделю от злости в себя прийти не могли. Представляете, там у них хозяева одной строительной фирмы получили несколько миллионов на создание новых рабочих мест. А места-то оказались липовые, то есть никакие не новые. Сначала фирма уволила в связи с реорганизацией почти треть рабочих. А потом открыла по соседству филиал, куда уволенных с большой помпой «приняли» снова. И овцы целы, и волки сыты. Еще бы, такой кусок отхватили! А Федеральное ведомство труда зазвонило во все колокола: вот-де как надо бороться с безработицей.

Легко им чужими деньгами распоряжаться! Ведь Федеральное ведомство труда существует на те самые взносы страховки по безработице, которые выдирают из зарплаты нашего брата, пока он работает. Выходит, что мы, безработные, кормим не только самих себя, но и таких «благодетелей» из Штутгарта. Им деньги и почет, а мы «лодыри» и «лентяи».

Отец Теодор как-то читал проповедь о том, как счастлив должен быть тот, кому господь даровал возможность трудом своим радовать близких. Даже утешил: милостивый бог позаботится о тех, кто временно остался без работы. А потом хор затянул: «Господи, благодарю тебя за рабочее место!»

Безбожником я себя не считаю, но тут чуть было вслух не чертыхнулся. Если мне все же посчастливится найти работу, я буду благодарить кого угодно, даже дьявола, только не бога. Тут наш святой отец перестарался.

Видимо, на мне судьба поставила крест. По крайней мере, я уже не вижу смысла добиваться постоянной работы. Это бесполезно. Мне 35 лет. Я, можно сказать, уже ступил одной ногой за черту, за которой начинается «непродуктивный возраст». Об этом говорят по телевизору разные ученые люди. К 40 годам человек должен обеспечить себе пенсию, иначе дела его плохи. Тот, кому перевалило за 40, практически не имеет шансов на самоутверждение. Так что начинать новую жизнь мне, к сожалению, поздно...

А будущее? Боюсь загадывать. Может, моим детям повезет больше, чем мне.

Эй, приятель, принесите-ка нам еще по кружке пива!

Рассказ Вернера Шольца записал спец. корр. АПН в ФРГ Евгений БОВКУН

Кёльн — Москва

● КАЛЕЙДОСКОП ИЛЛЮЗИЙ САРЫ ДЭВИДСОН ● НЕДВИЖИМОСТЬ ПРОТИВ ИДЕАЛОВ: КТО ВОЗЬМЕТ ВЕРХ? ● «СЧАСТЬЕ — ЭТО КОГДА ТЫ ЛИШЕН ВСЯКОГО СОЧУВСТВИЯ К ЛЮДЯМ» ● «М. П. В. Ч. М. П.» — МОЖНО ПРОДАТЬ ВСЕ, ЧТО МОЖНО ПРОДАТЬ» ● ЧТО ЛУЧШЕ: СДЕЛАТЬ ОБЩЕСТВО ЛУЧШЕ ИЛИ САМОМУ УСТРОИТЬСЯ ПОЛУЧШЕ? ● А ГДЕ ЖЕ НАСТОЯЩЕЕ? ●

„А ЧТО ЕЩЕ ДЕЛАТЬ ?"

Сара ДЭВИДСОН,
американская журналистка

Кого можно считать богатым человеком! Того, кто довольствуется тем, что имеет.
Из древних

Я живу в доме на берегу океана. Мой дом оборудован сигнализацией против грабителей. У меня есть пара роликовых коньков. У меня также есть волейбольный мяч, теннисная ракетка, рюкзак, альпинистские ботинки, кроссовки и автомобиль «мерседес». Но я не могу сказать, что довольна жизнью.

Я живу в Венеции, штат Калифорния. Венеция — это пригород Лос-Анджелеса. Здесь постоянно дует ветер с моря, и потому в Венеции почти нет смога. К тому же это единственное место в Лос-Анджелесе, где люди ходят по улицам пешком.

Вдоль побережья тянется тротуар. Рядом — велосипедная дорожка, потом песок и море. С другой стороны тротуара — тесно спаянные дома, бунгало, виллы. Бум недвижимости, бушующий в этих местах уже более пяти лет, привел к тому, что развалюха, стоившая когда-то гроши, стоит ныне четверть миллиона. И бум этот продолжается.

Венеция напоминает лагерь для полупомешанных, полувзрослых взрослых. В любой час дня или ночи вы видите здесь людей, играющих в волейбол, бегающих вприпрыжку, катающихся на роликовых коньках, на велосипедах, на роликовых досках, серфингующих, пьющих молоко, глотающих мороженое. Массажисты и специалисты по «остройнению тел» работают прямо на пляже. К теннисным кортам стоит очередь. Боже мой, когда все эти люди работают?

Жители Венеции делятся на две группы: на тех, кто работает, и тех, кто не работает. К последним принадлежат пенсионеры, бродяги, наркоманы, будущие кинозвезды, стареющие хиппи и красавцы спортсмены, сотворившие культ из лени и удовольствий. Первая группа включает в себя юристов, дантистов и торговцев недвижимостью.

И все катаются на роликовых коньках. Местные жители — на своих собственных, туристы — берут напрокат в фирме «Объединенные коньки Америки». Катанье, катанье. Ветерок дует, пальмы шелестят, люди катятся, каждый сам по себе. Я бреду по тротуару, и у меня болит сердце, и мысль одна: что-то здесь не так. Что-то случилось. Что-то неправильное творится. Мне кажется, что вот-вот роликобежцы попадают, велосипедисты врежутся в них, все пойдет наперекосяк, начнется катастрофа и нечем эту катастрофу остановить.

Я ретируюсь в свой дом. Венеция, конечно, странное, уникальное даже место, но я вижу во всем этом определенный симптом: обожествление богатства, культ тела, ненасытная жажда удовольствий, отсутствие убеждений и идеалов...

Что это значит, спрашиваю я себя, — весь этот стриптиз на колесиках?

Что это значит, спрашиваю я себя, — платить по два миллиона долларов за в общем-то паршивый домишко на берегу?

Что это значит, когда все, кого я знаю здесь, заняты только одним делом — убивают время и убивают себя?

А это значит, думаю я, что мы находимся в еще более глубоком духовном кризисе, чем раньше.

Венеция, город у моря.
Из баркаролы

В 1904 году Эббот Кинни, который составил себе состояние на сигаретах марки «Свит корпорал», по обычаю людей богатых отправился в путешествие по Европе. Европа очень ему понравилась, и он решил выстроить дубликат Венеции на юге Калифорнии. И вот на берегу Тихого океана были вырыты каналы, лагуны, выстроены мосты из фальшивого «итальянского» мрамора и коттеджи с причалами, чтоб можно было ездить друг к другу в гости в гондолах. «Венеция в Америке» стала модным курортом. Дома купили кинозвезды, и Дуглас Фербенкс стал гондольером Мэри Пикфорд [1].

Со временем, конечно, все эти штучки приелись, и курорт начал приходить в упадок. Каналы зацвели, а неотапливаемые коттеджи стали прибежищем для бедняков.

А потом начался бум недвижимости. Рядом с Венецией построили современный вариант мечты Эббота Кинни. Он называется Марина дель Рей — Бухта королей: система каналов и пирсов, рестораны, бары, дискотеки, магазинчики и коттеджи, коттеджи, коттеджи. Улицы, спускающиеся к воде, поименованы в алфавитном порядке по-морскому: Альбатрос, Бригантина, Восточный ветер и так далее — до Якорной. Когда мне не спится, я перечисляю улицы Марины дель Рей.

Марина сразу же стала самым процветающим рынком недвижимости в Лос-Анджелесе. Все хотели жить на берегу моря. Те, кто не мог себе позволить дом в Марине, начали селиться в Венеции. Цены на дома тут же подскочили. Спекулянты скупали полуразвалившиеся коттеджи, ремонтировали их и продавали втридорога.

Я приехала в Венецию в 1974 году. Я сбежала сюда от неудачного замужества и от разочарований, последовавших за несостоявшейся «молодежной революцией» [2] шестидесятых. Я хотела начать новую жизнь в новом месте: в месте, где была бы хорошая погода, где я могла бы спокойно работать и где я могла бы найти человека, на которого можно положиться. Человека без комплексов.

Прошло немного времени, и я встретила Брюса. Брюсу было двадцать шесть лет, и он работал в научно-исследовательской лаборатории. Он был ботаником. Он любил свою работу, но он также любил игры на свежем воздухе, танцы и рок-музыку. Даже почерк его был почерком счастливого человека: он рисовал кружочки над i. Он хорошо готовил и содержал дом в чистоте. Человек без проблем.

Для меня это было как возврат в мир детства. Мы катались в машине, мы ели бутерброды и запивали их молочными коктейлями, мы смотрели вестерны и все выходные валялись на пляже. Возле дома Брюса была волейбольная площадка, и каждый уик-энд там собиралась одна и та же команда: мужчины, похожие на старшеклассников, которые так никогда и не станут взрослыми.

Лето уходило, и я начинала понимать, почему Брюс такой счастливчик, почему у него нет комплексов: он был просто лишен всякого сочувствия к людям. «В жизни нет ничего такого, из-за чего следовало бы быть несчастным, — заявил он мне. — Все зависит от твоего выбора. Ты можешь выбрать страдание и сострадание. С таким же успехом ты можешь не выбирать страдания или сострадания».

— Ну а если кто-нибудь из близких тебе людей умрет? — спросила я.

— Ну и что? Я не буду переживать.

Он и слышать об отчаянье ничего не хотел. Он не желал ничего знать о муках творчества. Ему и в голову не приходило, что я могу терзаться ревностью, и он не верил в любовь и привязанность.

— По-моему, мы слишком много разговариваем, — сказал он.

— Странно, — сказала я. — А мне-то кажется, что мы вообще с тобой ни о чем не говорим.

Осенью мне надо было слетать на неделю в Нью-Йорк, и когда я вернулась, Брюс сказал, что нам пора расстаться: «Мы стали что-то слишком много рассуждать. Из наших отношений ушла радость».

Я переехала. Месяц спустя я встретила Брюса с другой девушкой. «Это моя любовь на всю жизнь», — сказал он мне.

Потом еще с одной.

Такая вот любовь.

То, чем была марихуана для шестидесятых, тем для семидесятых стала недвижимость.
Из газет

Моя мама живет в Лос-Анджелесе и торгует недвижимостью. Этим же занимаются моя тетя и трое маминых лучших подруг. Моя сестра и я выросли под знаком недвижимости. По воскресеньям маме было некогда нами заниматься, потому что по воскресеньям те, кто хочет приобрести недвижимость, эту недвижимость осматривают. По первому требованию мама вылетала из дома, позабыв о том, что обещала сводить нас в кино. И мы никогда не знали, в каком настроении она вернется: в ужасном или с радостным воплем: «Дело сделано!»

Когда мне исполнилось семнадцать лет, я уехала из Лос-Анджелеса и вернулась сюда только в тридцать. Все эти годы я вскармливала в себе презрение к людям, которые тратят деньги на дома и мебель, на дорогие машины и на авиабилеты в первом классе. Я жила в коммунах и писала о коммунах, где словосочетание «свободная земля» было идеологией. И это казалось мне правильным: почему земля должна быть чьей-то собственностью? Ведь люди не могут владеть небом или морем! Один из моих друзей отказался купить по дешевке домик в деревне, потому что, сказал он, «собственность — это воровство, и если у меня будет собственность, я сразу же перейду в лагерь правящего класса».

Моя сестра окончила колледж и преподавала гимнастику в школе. Она жила в коммуне в долине Сан-Фернандо. Она ела только овощи, занималась йогой и участвовала в мирных демонстрациях. Очень быстро она поняла, что положение учительницы ее не устраивает, так как в этом случае она «представляет для детей инструмент власти и подавления». Она продала все свои вещи и купила билет в один конец к Южным морям.

В 1978 году она начала торговать недвижимостью на Гавайях. Ее гуру [1] стал торговец, давший ей следующую жизненную установку: на комиссионные от продажи покупай по одному земельному участку в год в течение десяти лет; затем продай пять участков, выкупи закладные на оставшиеся пять, покинь бизнес и живи на доход с этих пяти участков. В ее офисе висит плакат: «М. П. В. Ч. М. П.».

— Что это значит? — спросила я.

— Можно продать все, что можно продать.

Когда я ездила к ней в прошлом году, половину времени мы проводили, разъезжая по городу и высматривая дома для перепродажи. Ирония судьбы была столь горькой, что мы ее даже не обсуждали.

Мой собственный интерес к недвижимости начался в тот год, когда я переехала в Венецию. В предшествующие этому двенадцать месяцев я переезжала девять раз. Я развелась с мужем, издала книгу и была абсолютно вольна в выборе места жительства. Я искала, где пустить корни. И решила купить дом. Я, которая презирала все формы собственности, блуждала по Венеции в сопровождении маклера по имени Минт. Минту было двадцать семь лет, он обладал бравыми усами и настоящим инстинктом на недвижимость.

Все, что мы видели, было старым, темным, разбитым и до смешного дорогим. Если бы эти дома стояли не на побережье, они считались бы вообще непригодными для жилья. Но вот я увидела полуразвалившийся особняк в викторианском стиле, и сердце мое дрогнуло. Я купила его.

Как меня отговаривали! Минт в том числе, кстати. Мой адвокат смеялся, моя мать звонила мне по сто раз на дню и стращала долгами.

Я не спала ночами. Меня охватила паника: а что, если я не вытяну ремонт? А устоит ли дом во время землетрясения? А если я не найду жильцов? А если я не успею в срок уплатить взнос? А вдруг бум на недвижимость кончится? А вдруг вновь наступит Великая депрессия?

---

[1] *Знаменитые голливудские актеры времен немого кино. — Примеч. ред.*

[2] *Так буржуазная пресса называла антивоенное и демократическое движение западной молодежи 60-х годов. — Примеч. ред.*

[1] *Гуру (инд.) — духовный учитель. — Примеч. ред.*

И дело было вовсе не в доме. Я поставила на карту самое себя: имею ли я вообще шанс выжить?

Прежде он был леворадикальным лидером. Сейчас он актер в «мыльных операх»[1].
Она пыталась взорвать отделение «Бэнк оф Америка» в Айла Виста. Теперь она — вице-президент киностудии «Юниверсал».
Из фольклора

Шуточки, ставшие привычными. Но в том-то и дело, что многие, очень многие переступили невидимый порог и вошли в семидесятые, предав свои прошлые идеалы. В шестидесятых они отрицали собственность, сейчас они покупают дома, элегантные костюмы от лучших портных и автомобили «порше». В шестидесятых они выходили на демонстрации против расовой дискриминации, теперь они посылают своих детей в частные школы, чтобы оградить их от общения с детьми цветных в «десегрегированных» школьных автобусах.

Те, кто переступил порог, относятся к себе новым с иронией. Они ведь выросли в убеждении, что материальные блага не обязательно дают удовлетворение, но под натиском этих благ прежние убеждения тают, тают.

Мой друг Энди — действительно бывший лидер радикально настроенных студентов и действительно снимается ныне в рекламных фильмах. В шестьдесят девятом Энди и еще триста студентов устроили демонстрацию в знак протеста против расистской политики университетской администрации Гарварда. Потом Энди организовывал школы для негритянских детей в гетто, жил в коммунах, выращивал овощи «без применения химических веществ» и с десятками других хиппи бродяжничал в поисках лучших мест обитания.

И вот в какой-то момент он решил пустить корни в Лос-Анджелесе. Его внешний вид и его убеждения начали меняться. Я встретила его в семьдесят шестом — в тот момент, когда он приобретал себе приличный костюм. Он решил стать кинозвездой. Теперь Энди живет по соседству со мной в Венеции.

— Я иногда думаю о том, как я изменился, — говорит Энди. — Теперь я не только не хотел бы жить в гетто, мне противно даже ходить по улицам гетто. Я стал ненавидеть арабов — ведь это из-за них подскочили цены на все — на топливо, на дома. Неужели я так изменился?

— Мне кажется, наши убеждения были не такими уж сильными и мы были не очень искренни, — сказала я.

— Я-то был вполне искренним, — ответил Энди. — Все свои юные годы я убил на то, чтобы сделать общество хоть немного получше. А ведь я мог уже тогда начать зарабатывать деньги и делать карьеру.

Недвижимость сегодня — залог счастливого завтра.
Из объявления

Через полгода после того, как я купила дом в Венеции — все считали меня идиоткой, поскольку он не стоил тех денег, которые я за него заплатила, — ко мне стали стучаться маклеры и спрашивать, не хочу ли я перепродать дом. Через год они уже предлагали мне вдвое больше, через два года — втрое. За два года жизни в этом доме я заработала больше, чем за всю свою писательскую карьеру.

Феноменально! И я поддалась: я стала присматривать новый дом — тоже на побережье, естественно. Как сказал один из маклеров, «собственность на берегу моря дороже золота. В конце концов человечество истощит свой золотой запас, а берег моря неистощим!»

Все мы хотим стабильного будущего: браки разрушаются, политические движения возникают и исчезают, даже деньги ничего не стоят. И только недвижимость, только земельные участки, только дома на этих земельных участках не теряют своей цены. Недвижимость обеспечивает свободу! Беда в том, что делать с такой свободой?

Мы должны принять новый конструктивный взгляд...
Из предвыборных речей

Мне позвонил Энди.

— Я сделал великое приобретение, — заявил он. — Я купил себе роликовые коньки!

— И ты туда же. Не может быть! — застонала я.

— Девяносто пять долларов — и теперь я такой же, как все, — сказал Энди.

Я поняла, что сопротивляться нечего: настал и мой черед. И вот в следующее воскресенье, рано поутру, мы с Энди покатили. Несмотря на уверения в том, что роликовые коньки помогают «сохранять форму», я не могу сказать, что они много дают для укрепления мускулов. Предназначение роликовых коньков в другом: они дают возможность не думать. Ты несешься вперед, и твоя единственная задача — не столкнуться с себе подобными и не влететь в выбоину в асфальте. И когда я однажды все же влетела в выбоину и не могла недели две кататься, я почувствовала себя как наркоман, которого лишили последнего в жизни утешения. Мой сосед сломал при падении ключицу, и все же продолжает кататься в гипсе. «А что еще делать?» — ответил он вопросом на мой вопрос.

Каждый день кого-то уносят с тротуара на носилках. В июне погибла молодая женщина — она случайно въехала на велосипедную дорожку. Велосипедист и не думал тормозить: «Я ехал по правилам».

Идет война на колесах: роликобежцы против велосипедистов. Ласковый морской ветерок насыщен ненавистью. Но роликобежцев больше, и, похоже, победят они.

Ради чего мне жить!
Из моей бессонницы

Я ехала от врача. Вот и мой дом. Стала разворачиваться, чтобы въехать во двор. И вдруг услыхала, как под колесами что-то звякнуло. Консервная банка? Почему же я ее не увидела?

Я вышла из машины. Опустилась на колени. Под машиной лежал человек. Лежал на спине. На нем была зеленая клетчатая рубашка, вязаная шапочка и коричневые ботинки. Я закричала... Боже, что мне дальше делать? Двинуться вперед, назад? Как бы я ни двинулась, я все равно перееду ему ноги. Я стала искать следы крови.

— У вас все в порядке? Я вас не поранила?! — закричала я.

— Все нормально, — сказал человек сонным голосом. Он был пьян.

— Но так быть не может! Моя машина... Я же вас переехала!

— Все в порядке. Если бы что-то было, я бы почувствовал.

Я попыталась поднять пьяного, он начал отбиваться. Из соседнего дома бежал Энди. «Я просто хочу сидеть здесь, вот и сижу, — сказал пьяный упрямо. — Я имею право здесь сидеть».

Я молча плакала. Пьяный посмотрел на меня и сказал:

— Я не хотел вас обидеть, мисс...

— Шэрон, — зачем-то соврала я.

— Шерри, честно, я не хотел тебя обидеть.

Пьяный поднялся, стащил свою шапочку и пошел прочь.

— Как это могло случиться? — спросила я Энди. — Ведь я точно почувствовала, что я переехала его.

Пьяный дошел до угла и скрылся из виду. А я стояла и думала: вот мне уже тридцать пять, а я все жду и жду, что когда-нибудь весь этот кошмар кончится, что я проснусь и начну жить.

Перевела с английского
Н. РУДНИЦКАЯ

---

[1] *«Мыльные оперы»* — *телевизионные фильмы-мелодрамы, прерываемые рекламой товаров для домохозяек. — Примеч. ред.*

ПУТЕШЕСТВИЕ ЗАКОНЧЕНО

Доминик ОТТАВИОЛИ,
Андре ГОРДО,
Жак ЛАНЖ,
французские журналисты

● ТОЛЬКО В ПАРИЖЕ ИХ БОЛЬШЕ ДВУХ ТЫСЯЧ ● БЫВШИЙ МИШЕЛЬ — ОБИТАТЕЛЬ «ЗОНЫ» ● ДВА МЕСЯЦА «РОСКОШНОЙ ЖИЗНИ» И НИКАКИХ НАДЕЖД ● «ПРОШУ СООБЩИТЬ ПО ТЕЛЕФОНУ ГОСПОДИНУ Б. Р. О МОЕЙ СМЕРТИ. МЕРСИ...» ● САМОЕ ХУДШЕЕ В ЖИЗНИ — НЕ ИМЕТЬ ДЕНЕГ ● «ИХ СОСТОЯНИЕ НЕ ИМЕЕТ НИЧЕГО ОБЩЕГО СО СТАРОСТЬЮ!» ● «СТАРЫЕ ЛЮДИ СОВЕРШЕННО БЕСПОЛЕЗНЫ» ● ДОЛЖНИКИ, УБИВАЮЩИЕ СВОИХ КРЕДИТОРОВ ● ЖЕРТВЫ ДВОЙНОЙ СЕГРЕГАЦИИ ●

Издали это похоже на рекламу кока-колы: десяток парней и девушек сидят на песке вокруг костра, в котором потрескивают поленья, любуются закатом на берегу Тихого океана и передают из рук в руки бутылку «тонизирующего напитка».

Вблизи картина несколько меняется: действие происходит на обочине скоростной дороги на правом берегу Сены, на фоне черной, сально блестящей воды. В огне горит картон, ящики из-под яблок и капусты, а в глотки льется сомнительная смесь дешевого алкоголя. В остальном все как на рекламе: вокруг костра сидят юноши и девушки, им лет по двадцать, некоторым и того меньше, а на лицах пляшут отсветы огня.

Их все чаще можно увидеть на улицах Парижа: они спят прямо на тротуарах, замотанные в тряпье, под боком — пустая литровая бутылка из-под вина. Их перешагивают или обходят: «Опять клошар!» И бормочут себе под нос: «Смотри-ка, рано же он начал!»

Впрочем, не спешите называть их клошарами. Не стоит путать их с

мелкими мошенниками на ступеньках Сакре-Кёр. Они и не из тех, кто, приезжая в Ниццу, спал прямо на пляже, чтобы сэкономить на комнате в отеле. Те были из другого поколения, 60-х годов, жившего под лозунгом «Мир и любовь». Тогда у выезда на автостраду в Порт-Орлеане стояли вереницы голосующих с табличками «Марокко», «Ливан». Теперь поток изменил направление: теперь не совершают паломничества «к святым местам», теперь пускаются в путь вдоль автострады, чтобы, придя в Париж, начать «зонировать».

Две тысячи молодых французов и француженок в возрасте до тридцати лет стали странными и жалкими существами — клошарами. Они, однако, не признают за собой этого звания. Чтобы как-то отличаться от шести тысяч других бродяг, шляющихся по столице, они придумали новое слово — «зонар». У представителей этой новой формы нищенства есть свой собственный «сборный пункт» — Бобур. Число зонаров возрастает каждый месяц примерно на двести человек. В течение многих недель мы вели с ними беседы, пытаясь понять причины этого тревожного явления. Зонары странствуют в тщетной погоне за какой-то несбыточной мечтой. Кончают все одинаково — мостовая, нищета, пьянство. Вместо еды — отбросы из мусорных ящиков. Зонары положили конец старой легенде о клошарах-гаврошах — живописных, свободных и счастливых. А впрочем, такие клошары существовали только в воображении поэтов.

Столкнувшись с этим потоком нужды и отчаяния, власти пока не придумали ничего, кроме облав с помощью «голубых». Так зонары прозвали полицейских из санитарных бригад префектуры. В отличие от старых бродяг, молодые прекрасно умеют ускользать из сетей полиции. А когда их пытаются силой отправить в приют для «людей без определенного места жительства», они бунтуют. Их даже помещают отдельно от престарелых нищих, но они и слышать об этом не хотят и возвращаются на улицу.

— Что это, «зона»?

— «Зона» — это все, что находится в тени, между полосками яркого света, это мертво светящий неон, это обломки мебели, грязь, останки разбитых машин, серая трава на дороге. «Зона» — это безработица, третья мировая война, наркотики, проверки документов в метро, скверное розовое вино, притоны, нищенство... «Зона» — это как будто огромная доисторическая пещера. Те, кто в ней живет, называются зонарами.

Мишель скороговоркой выплевывает эту тираду. Он лежит в старом спальном мешке цвета хаки, оставшемся, наверное, от американской солдатни. Ему холодно, его бьет лихорадка. Мишелю двадцать пять лет, он бывший сын врача, бывший студент факультета права, бывший «гарсон» в кафе, бывший безработный, бывший, бывший, бывший...

Двадцатилетний Эрве, лежащий рядом на скамье, безразличный ко всему, словно он из другого мира, не согласен с таким определением «зоны». Для него истинная и единственная «зона» — это жульничество, мнимые обмороки и припадки, мелкие махинации и аферы.

— Мой старик удрал из дому, когда мне было четыре года, а мать перед смертью сошла с ума. Мне было тогда шестнадцать лет. Как говорится, неблагоприятная среда, господин судья. Следует учитывать мои смягчающие обстоятельства.

Мать оставила Эрве маленькое наследство — двадцать тысяч франков, за вычетом всех налогов и издержек на похороны.

Хозяином всего мира прибыл Эрве на Северный вокзал Парижа с бумажником, набитым банкнотами, и сломанным чемоданом. Ручка чемодана отскочила как раз перед входом в Норд-Отель, и в этом был перст судьбы. Эрве остановился в этом отеле. Два месяца он вел роскошную жизнь — белый костюм, английские ботинки и итальянские рубашки. Ресторан три раза в день, кино и такси. Двадцать тысяч — на два месяца.

— Я оставил в этом отеле все свое барахло и уехал в Сен-Жермен. Я никого не знал в Париже. Когда у тебя много денег, этого вполне достаточно для общения с людьми. Ты ни с кем не разговариваешь, и с тобой никто не разговаривает, разве что бросит «мерси». Когда не стало денег, я решил заняться попрошайничеством.

— То есть: «Не найдется ли у вас ста франков?»

— Теперь никто не просит сто франков, всего лишь — решительно и настойчиво — пять франков. Я определяю людей по походке. И атакую тех, кто «совершает моцион». Спрашиваю, не могут ли они выручить меня, или говорю, что мне срочно нужно купить лекарство. За несколько часов я без особого труда набираю свои двадцать-пятьдесят франков. Вначале трудно смириться с тем, что за эти гроши надо выслушивать нотации: «А почему вы в вашем возрасте не работаете?», «Как вам не стыдно?..» И так далее. Однажды я даже покраснел. А потом устроил шестидневную голодную забастовку перед кафетерием. Унизительно все это!

— А как ты живешь сейчас?

— Сплю в разных закоулках, утром греюсь в метро, потом отправляюсь в Бобур. С открытием дискотеки захожу туда и прослушиваю кучу дисков. Потом иду стирать в прачечную-автомат. Стираю свою рубашку, а пока она сохнет, беседую с другими зонарами. Рассказываем друг другу о новых трюках, аферах, делимся опытом, обмениваемся адресами. Глупости, конечно. После обеда я иду в библиотеку. Читаю. В библиотеку можно ходить бесплатно. И в лингафонный кабинет тоже. Я изредка захожу туда, занимаюсь английским.

— Для самообразования?

— Нет, просто мне может понадобиться уехать в Голландию, чтобы избежать военной службы. Там английский не помешает.

— А когда ты ешь?

— Вечером в Сен-Жермен. Если день прошел хорошо и я прилично «заработал», заказываю жареную курицу в закусочной или иду в ресторанчик. Если денег нет, иду в одну забегаловку на улице Вест-Темпль. Там кормят даром, если слушаешь их болтовню. Но пища только вегетарианская.

— У тебя есть какие-нибудь планы?

— Да, на завтрашний день... Я и сам не знаю... У меня диплом садовника. Может быть, я поеду на юг, работать на виноградниках. Представьте себе, у меня будет телик, квартира, постоянная работа, какие-то политические взгляды, я буду ворчать, выплачивая налоги. И буду, конечно, дураком.

— А если ничего не выйдет?

— В моей записной книжке написано: «Прошу сообщить по телефону господину Б. Р. о моей смерти. Мерси...» Б. Р. — это мой брат.

Бернара всегда можно найти в холле Бобура. Он постоянно читает одни и те же стихи, как заевшая магнитофонная пленка.

— Я написал эти стихи, когда мне было тринадцать лет. Мать говорила мне: «Бернар, нужно хорошо учиться». Стихотворение называется «Родник»:

У озера, меж двух камней,
О чудо! Вдруг возник,
Укрывшись под лесную сень,
Журчащий тот родник.
Земная темень позади.
Вокруг деревьев зелень,
А впереди, а впереди...

Несколько посетителей — любителей подобных спектаклей — уходят, не дослушав до конца. Остаются лишь иностранцы, с недоумением глядящие на этого высокого, небритого, тощего человека с длинными руками и лихорадочно блестящими глазами.

Бернар замолкает на полуслове, нагибается, хватает бутылку с остатками вина и одним глотком опустошает ее. Слегка пошатываясь, выпрямляется, делает неуверенный шаг, цепляется за барьер, подтягивает штаны. Равнодушно отталкивает парня, выпрашивающего у него сигарету, угрюмо, исподлобья, смотрит на входящих посетителей. «А что, если нам немножко выпить?» «Немножко» означало еще две бутылки белого вина. И так каждый день в течение шести лет. Бернар выпивает сейчас десять лит-

ров вина в неделю. В тридцать лет время словно остановилось для него. Невозможно определить его возраст. Внешняя оболочка пообносилась, но еще сохраняет какой-то вид. Внутри все прогнило. Ужасающе прогнило.

— Я уехал из Труа шесть лет назад и с тех пор «зонирую». В Бретани, потом в Париже. Подохнуть охота, но перед смертью я хотел бы повидать мать. Бедная дорогая мама! Я был бы очень рад повидать ее.

И он повидал ее. Труа находится в ста двадцати километрах от Парижа. Бернар заснул в машине. Через пятьдесят километров остановка возле бистро. Наконец на закате солнца мы приехали в деревеньку Обе. В темноте все деревни вокруг Труа похожи друг на друга, как две капли воды. Крошечные деревеньки, изолированные друг от друга дома с плотно закрытыми ставнями, завывающими собаками. Эти хорошенькие деревеньки, где после восьми вечера стреляют в каждого, кто постучит в дверь. Стучим в один из домов, не видно ни собак, ни света за ставнями.

— Добрый вечер, мадам. Мы ищем дом матери Бернара. Извините, что беспокоим в столь поздний час.

— Да это Бернар! Я отлично узнала этого бездельника! Я и не подумаю давать вам адрес его бедной старой матери. Впрочем, я сама этим займусь. Он еще вздумает требовать у нее денег! И побьет ее! Я позвоню в жандармерию. У нас здесь спокойная жизнь, и лучше ему убираться туда, откуда явился.

Пытаемся объясниться. Все напрасно. Под градом упреков и оскорблений Бернар стоит покачиваясь. Сжимает кулаки и, пытаясь оправдаться, бормочет:

— Вы не можете помешать мне увидеться с матерью.

Соседка, уверенная в своей правоте, продолжает:

— Шесть лет он не навещал ее, какой позор! Он нашел работу? Ну конечно, нет! У него была славная маленькая семья, положение. Он все бросил, чтобы стать бродягой. Если хочешь увидеть мать, приходи завтра, — добавляет она, косясь на телефон.

Наутро мы быстро находим нужный дом. Не успеваем позвонить, как старая женщина распахивает дверь. Они обнялись. Мать немного поплакала. Бернар казался растроганным. Она оглядела его, нашла, что он изменился. Предложила ему пирожные. Он пил красное вино. Она принесла ему пуловер. Он неловко примерил его. Остался доволен. Она, смущаясь, упрекала его, что так долго не подавал о себе вестей.

— Прошло шесть лет, мама...

— Ты работаешь?

— Устраиваюсь...

— Говорят, ты пьешь...

— Да, немного...

— А ведь шесть лет назад ты пил только воду...

— Это не имеет значения, мама...

К чему рассказывать о Бернаре? Ему не нужны «смягчающие обстоятельства» — он не совершал преступлений. Кроме разве что отсутствия документов и постоянного места жительства. Тем не менее у соседки нас ждали жандармы.

— Мы ни в чем его не обвиняем, но хотели бы задать ему несколько

„Если бы мне пришлось остаться здесь, я бы тут же покончила с собой. Как жилец из соседней комнаты. Он убил себя, потому что опустился на самое дно человеческого горя», — говорит 89-летняя г-жа Х. (вы еще поймете, почему мы не называем ее имени), живущая в приятном с виду доме для престарелых в одном провинциальном городе. «Я попала сюда после несчастного случая. По идее, я могу выйти отсюда в марте. Надеюсь, что дольше меня не задержат. До того как я очутилась здесь, я получала в месяц 300 франков. Это мало, но это не нищета. Мы с друзьями играли в бридж. Кроме того, я могла читать книги...»

В этом доме для престарелых, настоящем преддверии смерти, г-жа Х. обнаружила, что самое худшее в жизни — не иметь денег. «Все, что у нас есть, мы отдаем директору. В зависимости от этой суммы нам предоставляют либо прекрасную комнату, либо крошечную, как моя. За обедом богатые берут кушанья первыми, разумеется, самые лучшие куски. А мы уж потом».

Как и большинство старых людей, госпожа Х. — жертва двойной сегрегации: возрастной и денежной. «Чтобы получить что-нибудь у обслуживающего персонала, нужно всякий раз давать по франку. Но когда люди так бедны, как я, ни на что не приходится рассчитывать, — продолжает она. — Однажды я решила бежать. Я вызвала такси, но директор помешал мне. Вовсе не из гуманных побуждений, а из боязни скандала... Какой смысл биться без конца об эти стены злобы и ненависти? Я расскажу вам такую историю. Вместе со мной в комнате живет еще одна женщина. Одиночество превратило ее в сущую ведьму. Но поначалу я еще этого не знала и как-то выложила ей все, что думаю о нашем доме. Соседка меня выдала. Меня вызвал директор и отчитал. В 89 лет это не такто легко пережить».

Отвергнутые обществом, которое ими больше не интересуется, поскольку они уже ничего не производят и почти ничего не потребляют, сотни тысяч стариков медленно угасают. С супругами Саломон мы встретились в Бордо. Ей 77 лет. Она передвигается лишь от

вопросов. На той неделе в нашем районе было совершено ограбление. Сами понимаете...

Мы понимали. Дождавшись Бернара, мы вернулись в Париж. И сразу же наткнулись на трех забавных девчонок — Надин, Фабьенн и Фредерик, которые приехали из Каора, прихватив с собой кошку.

— Нам до смерти надоело в Каоре, и мы решили уехать в Париж. Насобирали немного денег и отправились в путь.

Добрались за три дня — через Тулузу и Лимож, держась все время втроем, чтобы не влипнуть в какую-нибудь историю. Водители грузовиков были к ним добры. Один, правда, пытался приставать к Фредерик, но, встретив отпор, отступил. В Париже подружки, как истинные провинциалки, прежде всего побывали на Елисейских полях, потом отправились на Монмартр. Можно представить себе физиономию «друга семьи», обнаружившего в своем доме трех девиц, которым некуда деваться! Первую ночь в Париже они провели превосходно — на белых простынях, рассказывая друг другу смешные истории и хохоча до упаду. А утром «друг семьи» вежливо, но решительно выставил их за дверь, вручив план метро и велев ехать в Бобини.

По этому второму адресу никто не проживал — то ли друг, то ли родственник, которого они искали, уже давно переехал на другую квартиру. Наступил вечер, в квартирах зажглись окна, и дома стали похожи на светящиеся соты. Стало еще холоднее, еще больше захотелось есть. Девочкам все же удалось найти убежище, скорее нору — заброшенный подвал, полный звуков и шорохов, от которых прошибает холодный пот. Они с ужасом вспоминают это первое пристанище.

— Мы так боялись, что подвал запрут, что просидели там два дня без всякой еды. А потом вспомнили, что в Париже есть место, где можно встретить славных людей, — Бобур.

После подвала в Бобини Бобур показался путешественницам раем — весь в роскошных разноцветных транспарантах. Они трогали ковры, катались на эскалаторах и лифтах. Скоро подружки наловчились бесплатно проникать внутрь выставочных залов, смешавшись с группой «организованных» экскурсантов, а когда обнаружили на пятом этаже кинозал — это было верхом блаженства. Они смотрели фильмы, развалившись в мягких креслах, в уютной полутьме. Потом научились попрошайничать, и все пошло своим чередом.

Молодые зонары и старые клошары не общаются между собой. Сказывается разница поколений. «Молодые, — говорит клошар Франсуа, — бьют нас, отнимают у нас деньги. Я им не доверяю. Особенно наркоманам — эти мерзавцы особенно опасны. Да вот не далее как вчера Жерару разбили голову. Правда, Жерар?» Шестидесятипятилетний Жерар показывает всем открытую рану и вступает в разговор: «Я ничего не разглядел, темень была. Он отнял у меня деньги. Но это наверняка был кто-то из молодых».

Что ж, вот и все, путешествие закончено.

Перевела с французского
С. ФЕДОРИНА

кресла к кровати. Ему 85 лет. «Мы получаем пенсию, и потому можем хоть как-то существовать, — рассказывает г-жа Саломон. — После того как уплатишь за газ, электричество, лекарства, уголь да еще врачу, на еду остается совсем немного. Одежда? Мы доживаем свой век в том, что у нас есть. Нам нужны теперь только домашние туфли». Единственная страсть этой семьи — старый телевизор и газета «Сюд-Уэст», в которой г-н Саломон читает политические статьи и некрологи. Ведь смерть других — это курьер, который напоминает о приближении и твоей собственной смерти. Семья Саломон — молчаливый и отчаявшийся союз двух одиноких. Прежде они хотя бы ссорились. Сейчас они почти уже не разговаривают друг с другом: им уже не о чем говорить. Но они не хотят доживать остаток дней где-то в другом месте. «Если придет смерть, пусть завернет за нами на улицу Аргон, 54».

Оставаться как можно дольше у себя, по крайней мере в своем квартале, — это желание большинства стариков. Жизнь в доме для престарелых пугает их. Даже больше, чем смерть. Отец французской геронтологии д-р Жан-Пьер Юэ говорил: «В некоторых домах для престарелых Парижского района из-за нехватки обслуживающего персонала людей кормят лишь один раз в день. Вечером, после четырех часов, в целях экономии у них выключают электричество. Как можно после этого удивляться, что они становятся немощными и слабоумными? Их состояние не имеет ничего общего со старостью!»

Иногда, и не признаваясь себе в этом, мы не прочь сосредоточить стариков в особых центрах, создать для них нечто вроде резерваций, прикрывая печаль видимостью благополучия. К тому же современный культ производства искажает представление о жизни: считается, что 40-летний человек уже на закате. А ведь тем, кому сегодня по тридцать, придется жить, быть может, 20 лет после ухода на пенсию. Но их к этому никто не готовит. В свое время совершенно справедливо говорили о «расизме» в отношении молодежи. Но это уже «расизм» в отношении стариков. «Каждый год, — рассказывает врач больницы «Божон», — люди перед отъездом в отпуск привозят нам своих стариков. Они никогда не забирают их обратно».

Что же удивляться, если дети этих людей относятся к старикам враждебно? Социолог Анни Лоран спрашивала детей, что они думают о стариках. Одна невинная и жестокая рука вывела в школьной тетради: «На мой взгляд, старые люди совершенно бесполезны. Их внешность вызывает у меня отвращение, и к тому же от них зачастую плохо пахнет».

Эту сегрегацию усугубляют также условия городской жизни. Молодые семьи селятся в крупных жилых массивах на окраинах городов. Там уже не встретишь ни одного старика. «У молодых больше нет ни чувства долга, ни душевной привязанности к своим старикам. Семейной ячейки больше не существует», — делает вывод психосоциолог Сюзан Пако. В ходе обследования она выяснила, что 9 процентов подростков не знают, живы ли их бабушки и дедушки. Многие в этих новых районах и городах не знакомы ни с одним пожилым человеком. Таким образом, нежность, мудрость, терпение исчезают из нашего мира.

Но проблему стараются не замечать — стариков как будто и не существует! «Франция не вышла из состояния слаборазвитости. Она оставила там своих стариков», — этими словами начинается доклад группы изучения проблем «третьего возраста» в Национальном собрании. «Мы поступаем с пожилыми, как должники, убивающие своих кредиторов, чтобы не возвращать долг», — говорится в докладе.

Общество, которое уготовило своим старикам такую участь, заботясь лишь о рентабельности и пробуждая жестокость в сердцах молодежи, само выносит себе приговор. Благотворительность здесь не поможет. Нужно изменить общество.

Поль ЭШЕВЕН,
французский журналист

ВСТАТЬ. СУДА НЕ БУДЕТ

Филипп КАПУТО, американский журналист

● «ЗАСАДЫ — ЭТО УБИЙСТВО, А УБИЙСТВО — ЭТО ПОТЕХА!» ● «МЫ УЧИМСЯ НЕНАВИДЕТЬ» ● ЗА КАЖДОГО УБИТОГО — ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ БАНКА ПИВА ● СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ НЕ ОБНАРУЖЕНО ● «ТО, ЧТО МЫ СДЕЛАЛИ, БЫЛО СЛЕДСТВИЕМ ТОГО, ЧТО ВОЙНА СДЕЛАЛА С НАМИ» ● «НИКТО НЕ РЕШАЛСЯ СМОТРЕТЬ В ЛИЦО ДЬЯВОЛУ» ●

Я, молодой офицер морской пехоты, 8 марта 1965 года высадился в Дананге в составе одного из батальонов 9-й экспедиционной бригады морской пехоты — первой боевой части вооруженных сил США, посланной во Вьетнам. В апреле 1975 года я вернулся туда газетным репортером и освещал наступление коммунистов. Таким образом, я оказался и одним из первых американцев, которым довелось воевать во Вьетнаме, и одним из последних американцев, эвакуировавшихся оттуда всего лишь за несколько часов до того, как пал Сайгон.

Всего лишь десять лет разделяют оба события, но контраст между позором нашего ухода из Вьетнама и той уверенностью в себе, с которой мы туда пришли, заставляет казаться этот период целой эпохой.

Тем американцам, которые выросли в конце шестидесятых годов, трудно будет себе представить начало десятилетия, понять царившую тогда атмосферу — гордость и превалирующее над всем остальным чувство уверенности в себе.

В те годы Америка казалась всемогущей: страна все еще могла уверять, что ни разу не проигрывала войны, и мы верили в то, что нам предназначено распространить по всему свету нашу политическую веру. Мы видели в себе борцов «за дело, которому суждено восторжествовать». Поэтому, шагая тем сырым мартовским утром по рисовым полям, мы несли вместе с вещмешками и винтовками твердое убеждение в том, что Вьетконг будет быстро разбит, а мы выполняем благородную и спасительную миссию. Вещмешки и винтовки мы сохранили. Убеждения же эти потеряли безвозвратно.

...Нас учили быть ловкими, агрессивными и безжалостными. Мы должны были стать неким сочетанием налетчика и убийцы-мафиози. Одним из наших учителей по этой части был мясистый сержант, чья толстая шея незаметно переходила в плечи шириной в полную длину винтовки М-14. Он начал свой первый урок следующим образом: ворвавшись в класс, он испустил холодящий душу боевой клич и всадил в деревянную стену тесак. Не сказав ни слова, быстро написал что-то на доске, шагнул в сторону и, одной рукой указывая на надпись, другой ткнул в солдата:

— Читай!

— «Засады — это убийство», сержант.

— Верно, — сказал сержант. Громко проорав вслух: «Засады — это убийство», он шагнул обратно к доске и приписал еще строчку.

— Читай!

— «А убийство — это потеха!», — прочитал солдат.

— Точняк. — Выдернув тесак из стены, сержант крутнул им перед нашими лицами. — А теперь все хором: «Засады — это убийство, а убийство — это потеха!»

...Полдень. Наша рота марширует вдоль северного берега реки. На полдороге к месту назначения первый в колонне взвод натыкается на засаду. Автоматы трещат, как будто рвется бумага. Мы преследуем партизан, но они исчезают, испаряются, как всегда. Люди из первого взвода врываются в деревеньку. В клубах плотного белого дыма взрывается фосфорная граната, и загорается хижина. За ней другая. Минуту спустя пылает вся деревушка. Бамбук трещит в огне, как будто рвутся патроны. Громко вопя, наши солдаты швыряют гранаты и палят из автоматов во все щели и убежища. Женщины кричат, дети плачут. Крестьяне в панике бегут из огня. Рев и вой обезумевших животных сливаются с воплями людей и треском горящих хижин. Деревни больше не существует. От нее остались лишь кучи дымящегося пепла. Каким-то чудом никто из жителей не погиб. Женщины плачут, одна из них на коленях высматривает что-то в груде пепла, бывшего ее домом. Я заставляю свое сердце ожесточиться против плача женщин. Эти крестьяне помогали партизанам, и мы их за это проучили. Мы учимся ненавидеть.

...Ко мне подошел сержант Локер.

— Слышали о Хансоне, сэр?

— Нет, а что? — Хансон был одним из солдат первого взвода.

— Я поймал этого сучонка, когда он отрезал уши у одного из убитых вьетконговцев. Я пообещал с него шкуру спустить, если поймаю его за этим занятием еще раз.

Образ Хансона всплыл перед моими глазами: тихий паренек лет девятнадцати, высокий, худой, темнорусый. Он выглядел настолько типичным американцем, что мог бы позировать Норману Рокуэлу [1]. Я пытался вообразить его делающим то, о чем мне сказал Локер, но не мог. Я не хотел больше думать об этом. В тот день мне и так уже хватало эмоциональных потрясений.

Однажды вечером я сказал сержанту Колби, что ход мыслей Хансона мне не понятен.

— Когда я был в Корее, — ответил Колби, — я видел, как солдаты пристреливали свои винтовки по корейским крестьянам — вместо мишеней. Прежде чем вы покинете Вьетнам, сэр, вам предстоит еще узнать, что типичный средний американский парнишка девятнадцати лет — одно из самых жестоких созданий в мире.

...Мой батальон был эвакуирован в лагерь Пенделтон на переформирование. Батальон должен был вернуться во Вьетнам в октябре, но в его составе уже не будет никого из тех, кто высаживался в марте. Все они либо демобилизовались, либо переведены в другие части. Мне было жаль расста-

[1] *Рисунки этого художника воспевали «американский образ жизни». — Примеч. ред.*

ваться с ними, но им было совсем не жаль покидать Вьетнам. Здесь они потеряли некоторых из своих старых друзей и бо́льшую часть прежних убеждений относительно причин этой войны. О, конечно, спроси их кто-нибудь: «Как, по-вашему, вы правильно поступили?», они бы ответили: «Да». Но если бы вы показали им список потерь и спросили, почему погибли их друзья, они не ответили бы вам абстракциями о спасении демократии и защите свободы. Их ответ был бы прост и конкретен: «Ну, Джека убил снайпер, а Билла разорвало снарядом, а Джим наступил на мину».

Наш батальон сменял первый батальон первой дивизии корпуса морской пехоты. С трапов десантного корабля сходили свежие, полные сил солдаты. По сравнению с отбывающими они выглядели отлично — краснорожие, пышущие здоровьем парни, тем здоровьем, которое рождается от частых упражнений на свежем воздухе, регулярного восьмичасового сна и горячего трехразового питания. Их винтовки сверкали не меньше, чем лица, форма была накрахмалена и наутюжена, и они были преисполнены энтузиазма. Еще бы им не быть преисполненными энтузиазма — их кишки не сводила дизентерия, их сердца не сжимал страх, их память не преследовали призраки убитых товарищей. Теперь, когда во Вьетнам пришли они, войну можно считать все равно что выигранной! Они с ней запросто сами управятся, солдаты первого батальона первого полка первой дивизии корпуса морской пехоты. Война-то, конечно, так себе, «но другой у нас нет» — и они, естественно, намеревались выиграть ее: первые из первых, лучшие из лучших.

В батальоне было 1100 человек. Через шесть месяцев потери составили 475 убитых и раненых.

...Командир нашей роты капитан Нил объявил мне и остальным офицерам, что вводит новое правило: отныне каждый солдат, убивший вьетконговца, получает дополнительную банку пива и дополнительное свободное время, чтобы выпить его. Наши люди были настолько измучены, что мы знали — обещание свободного времени будет еще большим стимулом, чем пиво. Поэтому мы поддержали решение капитана, не задумываясь над его моральной подоплекой. Вот до какого уровня мы скатились с былых позиций возвышенного идеализма. Мы были готовы убивать людей за несколько банок пива и за несколько свободных минут, чтобы выпить его.

...В роте оставалось не больше половины личного состава, а из этой половины половина была раненых. Если и в следующем месяце мы понесем такие же потери, нас всего останется человек пятьдесят-шестьдесят, чуть больше взвода. С нашей стороны было безумием продолжать патрулировать эти тропы в джунглях, взрываясь на минах-ловушках и не имея ни малейшей возможности нанести ответный удар, отплатить. Отплатить! Это слово звенело у меня в голове. Я им отплачу! И тогда я вспомнил о двух вьетнамцах, которых информатор Ле Данг опознал как саперов-партизан, ставящих в джунглях мины-ловушки. Я уже не мог избавиться от этих мыслей: я должен поймать их, должен, пока они не подставили ловушку еще кому-нибудь из нас, мне самому. Да, я поймаю этих сволочей, сказал я себе, и неожиданно почувствовал, что у меня кружится голова.

Я решил послать в деревню отделение. Их проведут к дому, они захватят партизан и доставят сюда. Я допрошу их, изобью до смерти, если надо будет, выбью из них сведения о других партизанских ячейках и захвачу их тоже. Но что, если они окажут сопротивление? Тогда мои солдаты убьют их. Мы ведь здесь именно затем и находимся, чтобы убивать вьетконговцев. Трупы. Капитан Нил требует трупов. Что ж, будут ему трупы, и тогда мой взвод похвалят вместо того, чтобы ругать. У меня не было полномочий посылать отделение в деревню. Согласно приказу патрулирование ограничивалось лишь засадами на перекрестках дорог. Но кто, собственно, был реальной властью на этом заброшенном аванпосту? Я. Я возьму дело в свои собственные руки. Здесь я могу делать все, что мне угодно, черт побери. И сделаю.

— Ну ладно, тебе все ясно, — сказал я Аллену, старшему патруля. — Сначала посидите в засаде. Если никто мимо не пройдет, войдете в деревню и захватите их. Чуть что — убить их.

— Сэр, поскольку нам в деревню заходить не положено, то что нам потом говорить, если придется их убить?

— Скажем, что они напоролись на вашу засаду. Не бери себе в голову. Единственное, что нужно начальству, — это трупы.

— Есть, сэр, — ответил Аллен, и я увидел выражение его глаз. Я понял, что при малейшем поводе он убьет этих людей. И, зная это, я все же не повторил приказа взять их живыми любой ценой. Я испытывал зверское желание убить тех двоих. В глубине души я надеялся, что Аллен найдет предлог их убить, и Аллен прочитал мои мысли. Он улыбнулся, и я улыбнулся в ответ, и оба мы знали в тот момент, чему суждено случиться.

...Связавшись со мной по радио, Аллен доложил, что одного вьетконговца они убили, а второго взяли в плен и возвращаются вместе с ним. Потом Аллен вызвал меня снова: пленный был убит при попытке к бегству.

Вернувшись, Аллен доложил:

— Мы проникли в деревню согласно вашему приказу, сэр, и пошли к хижине, где жили те двое. Я, Кроу и Лоунхилл зашли внутрь. Остальные караулили на улице. В доме было темно, так что Кроу включил фонарь, и мы увидели двоих вьетконговцев, они спали. Лоунхилл пошел в соседнюю комнату, там какая-то девка начала вопить. Я ему говорю: «Заткни ей глотку», ну, он и вмазал ей прикладом. Тут один из вьетконговцев вскочил, а девка завопила снова. Тогда Кроу врезал ей и велел заткнуться. Потом вернулся в комнату и ткнул вьетконговца пистолетом, чтобы тот вставал. А тот, дурак, вскочил и бежать, а Кроу за ним. Он бежит и орет: «Чой ой! Чой ой!» («Боже мой!»), ну, Кроу и пристукнул его. Тогда второй дурак побежал к двери, но Лоунхилл его сцапал. Я говорю: «Ладно, пошли». И уже на самом подходе сюда он зацепил за ветку, а та хлясть Кроу прямо по роже. Тут кто-то крикнул: «Бежит, стреляй!» Ну, Лоунхилл и пальнул, да еще Кроу из своей пушки в него выстрелил. В общем, наповал.

Бездумный истерический смех овладел нами всеми.

Я обыскал труп. Что очень беспокоило меня — его лицо, очень молодое лицо. Странно, думал я, почему это меня так беспокоит.

Я еще раз посмотрел на труп, и вдруг волна ужаса охватила меня, когда я узнал это лицо. Чувствовал я себя так, будто вырвался из гипнотического транса. Все равно как будто вдруг вырываешься из кошмара, только из одного кошмара я вырвался в другой. В темноте и путанице под влиянием страха, усталости и звериных инстинктов, привитых войной, солдаты совершили ошибку. Страшную ошибку. Они убили не того человека. Нет, не они — мы. Мы убили не того человека. Кровь этого мальчика лежала на моих руках в такой же степени, как и на их. Ведь это я послал их туда. «О, боже, что мы натворили?» — подумал я. Больше ни о чем думать я не мог. Пожалуйста, боже, прости нас. Что мы наделали?

Выключив фонарь, я приказал похоронить труп.

...30 июня капрала Кроу должны были судить по обвинению в предумышленном убийстве.

Я должен был выступать на суде свидетелем обвинения. Моя роль была абсурдной, поскольку тот же прокурор должен был судить меня по тому же обвинению. Но еще более абсурдным было то, что нас судят вообще. Научили нас убивать, велели нам убивать, а теперь предали нас военно-полевому суду за убийство.

В толстом судебном деле — плод пятимесячного труда — не был заполнен один стандартный документ ДД-457 — «Объясняющие и смягчающие обстоятельства». Я не раз задавал себе вопрос, почему следователь не включил в дело ни объяснений, ни смягчающих обстоятельств, и пришел к выводу: объясняющим и смягчающим обстоятельством была сама война. На войне убивают. Тем более убивают на войне, единственной целью которой было убивать вьетконговцев, на войне, в которой те, кому приказали убивать, часто не могли отличить вьетконговцев от гражданского населения, на войне, в которой гражданское население в «зонах свободного огня» убивалось каждый день оружием куда более страшным, чем пистолеты и винтовки. Смерть мальчика нельзя было отделить от характера и метода ведения войны. Она была ее неизбежным порождением. Но выдвинуть эти аргументы в качестве смягчающих обстоятельств означало поднять бесчисленное множество очень двусмысленных вопросов морального характера. Мог даже встать вопрос о моральности американской интервенции во Вьетнаме или, выражаясь словами одного офицера: «Этак можно открыть банку с такими червями...» В итоге пятерых солдат и меня будут судить как обыкновенных уголовных преступников, ну, как если бы мы убили людей, грабя банк. Если нас признают виновными, корпоративная совесть корпуса морской пехоты будет чиста. Шестерым преступникам, которые, конечно же, не являются вовсе типичными среди большинства отличных бойцов — сынов Америки, воздадут по заслугам. И дело будет закрыто. Если же нас оправдают, корпус морской пехоты заявит: «Было проведено установленное законом разбирательство, и военно-полевой суд, заслушав и рассмотрев все факты и показания по данному делу, состава преступления не обнаружил». И дело опять же будет закрыто. И в том и в другом случае военные власти победят.

...Меня мучило не только официальное обвинение в убийстве, меня мучило мое собственное чувство вины. Снова и снова передо мной вставали глаза убитого, обвинение, застывшее в них. Да, правда, я приказывал своим солдатам по возможности брать партизан живыми, но правда и то, что я хотел, чтобы они их убили. В сердце моем было убийство, и я передал жажду убийства солдатам — тоном, жестами, ударением на слове «убить», а не на словах «взять в плен». И все же я не мог считать, что это было просто предумышленное убийство. Оно не было совершено в вакууме. Оно было прямым результатом этой войны. То, что мы сделали, было следствием того, что война сделала с нами.

Многие офицеры говорили мне: «То, что случилось с вами, могло случиться с кем угодно на этой проклятой войне». В их глазах я был жертвой обстоятельств, хорошим и незаслуженно обвиненным офицером. Мой послужной список был выше среднего, и по всем внешним меркам я казался нормальным человеком. Эти офицеры видели во мне свое отражение. Я был одним из них.

И мои солдаты были хорошими солдатами. В их послужных списках не было пятен, не было даже самоволок. Четверо из них имели боевые ранения, двое — Аллен и Кроу — были семейными людьми... И их обвинили в убийстве. Если обвинение будет доказано, то будет доказано и то, что никто не застрахован от бактерий морального гниения, распространяемых этой войной. А делать такое признание никто не хотел. Никто не решался смотреть в лицо дьяволу.

Решить эту дилемму мог только оправдательный приговор. Он докажет, что никакого преступления не было. Он докажет то, во что хотели верить все остальные: что мы были добродетельными американскими парнями, неспособными на то, в чем нас обвиняют. А раз мы были на это неспособны, то и они — все остальные — на это неспособны тоже, в чем именно они и хотели себя уверить.

...Ожидая приговора, я чувствовал себя жертвой войны, моральной жертвой. И как все искалеченные войной люди, я относился ко всему с полным безразличием. Я как будто сразу постарел. И эта война меня больше не касалась. Хватит с меня правительства и его абстрактных лозунгов. Я никогда больше не позволю себе поддаться чарам всяких шаманов от политики. Теперь самым главным было выбраться из этой безумной ситуации, сохранив хоть какое-то достоинство. Я не сломаюсь. Я все приму и все вынесу. Потому что вынести наказание казалось мне актом расплаты. Недостаточной, разумеется, расплаты, но я испытывал необходимость хоть как-то искупить вину за убийства, которые я совершил.

...Разговаривая с писарями в штабе, я сказал, что войны нам не выиграть. Мы воюем за шайку продажных сайгонских политиканов и понапрасну губим здесь жизни американцев. Нам надо уходить отсюда сейчас, чтобы не погубить попусту еще больше людей. Штабные писари, твердые в своем патриотизме и никогда не слыхавшие сделанного в гневе и в горячке боя выстрела, смотрели на меня неверящим взглядом. Я не удивлялся. Был 1966 год, и речи, подобные моим, считались граничащими с изменой.

— Но, сэр, — сказал один из них. — Если мы уйдем сейчас, то, значит, все наши жертвы были напрасны.

— Иными словами, коль мы угробили здесь несколько тысяч человек, то нам следует угробить еще несколько тысяч, — ответил я. — Что ж, если ты действительно веришь во всю эту чепуху насчет «напрасно», то тебе следовало бы пойти добровольцем на передовую, чтобы тебя убили, потому что ты этого вполне заслуживаешь.

...Рано утром ко мне в палатку пришел мой защитник. Радер.

— Фил, — сказал он, — Кроу оправдали по всем пунктам обвинения.

— Я рад, за него, у него ведь жена и дети. Но что это значит для меня?

— Думаю, что все будет хорошо. Подождем до завтра.

Следующим утром Радер сказал мне:

— Ситуация следующая. Генерал хочет снять обвинения против всех вас, раз уж оправдали Кроу. Что касается тебя, то ты должен признать себя виновным по пункту третьему (уклонения от показаний). Тебе просто объявят письменный выговор от генерала.

— И значит, суда тогда не будет?

— Только если ты сам его захочешь.

— Конечно, не хочу. Признаю себя виновным.

Я оказался прав: армия так же хотела спихнуть с себя это дело, как и я. Вихрь мыслей пронесся в моей голове. Я найду возможность каким-то образом искупить вину. Когда окончится война, я вернусь в эту деревню и... что? Я не знал.

Улыбаясь, вернулся Радер.

— Поздравляю, — сказал он. — Обвинения против тебя сняты. Генерал напишет тебе письмо с выговором, ну и черт с ним. Единственно, чем оно тебе повредит — помешает производству в капитаны. Адъютант готовит твои отъездные документы. Уедешь через неделю, самое большое — через десять дней. Все кончено.

Перевел с английского
Ю. ЗАХАРОВ

И ОНИ УЛЫБАЛИСЬ, УЛЫБАЛИСЬ...

Маргит КОЛЬМАР-ЦАЙН, западногерманская журналистка

● НЕБЫВАЛОЕ ШОУ В СУПЕРОТЕЛЕ «ФОНТЕНБЛО ХИЛТОН» ● ПОЛМИЛЛИОНА ДОЛЛАРОВ НА «ПАРАД ПОЗОРА» ● «НЕ ЗАБЫВАЙ ПОКАЗЫВАТЬ ЗУБКИ, КОГДА УЛЫБАЕШЬСЯ» ● ТРЕХЛЕТНЯЯ КОРОЛЕВА КРАСОТЫ ●

Многочисленные гости конкурса красоты на курорте Майами-Бич толпились на аэродроме. Сновали репортеры, устроители конкурса возбужденно перекрикивались. И вот стайка дам грациозными шажками засеменила по трапу реактивного лайнера. Лакированные туфельки на высоких каблуках, серебристые жакеты и желто-голубые платьица с рюшами моментально очаровали встречавших. Дамы наслаждались вниманием. Лишь одна из них, белокурая красавица Антуанетт Бетти, хранила полную невозмутимость — спала на руках своего отца. Участниц конкурса и их многочисленных родственников на лимузинах отвезли в суперотель «Фонтенбло Хилтон»: именно здесь должно было состояться небывалое шоу — конкурс красоты среди 30 американских девочек от 2 до 5 лет.

Инициатор спектакля — Том Карвел, владелец и основатель концерна по производству мороженого, вложил в шоу полмиллиона долларов. В первичных соревнованиях приняли участие претендентки из различных штатов страны. И вот теперь 30 из них, получившие титул «мисс полпинты», боролись за корону королевы мороженого. Программа конкурса была подчинена интересам рекламы фирмы Карвела. По двенадцать часов в день девочки, многие из которых совсем недавно научились ходить, простаивали перед камерами телевизионных компаний. Маленькие мисс прохаживались по сцене в туфлях на высоких каблуках, рискуя сломать себе ноги, гости восклицали: «Ах, какая прелесть!»

Восторги разделяли и родители. Там, в Майами, где на шезлонгах возлежат дамы в бриллиантах и — простим им безвкусицу, Майами все ж! — норковых палантинах, в головах родителей сахарным сиропом плескались мечты о будущей карьере дочерей: звезды и манекенщицы, запечатленные на гигантских цветных плакатах. «Ты наша маленькая королева», — шептал отец пятилетней блондинке Кэприлл Чемпион, которая перед выходом на сцену вполне профессионально облизывала губы кончиком языка. Отец поддерживал дочурку бодрыми песенками из мультяшек. «Я обещаю: я стану королевой», — твердила девочка, стоя перед зеркалом. «Не забывай показывать зубки, когда улыбаешься», — напоминал мистер Чемпион. И Кэприлл растягивала губы в двухминутной улыбке. В это время миссис Чемпион доверительно рассказывала репортеру: «Кэприлл во младенчестве была очень некрасива. Мой муж даже не хотел носить с собой ее фотокарточку. Поэтому мы давно уже делаем ей перманент».

Родители использовали дочерей для осуществления своих несбывшихся надежд: все, что не удалось им самим, должны были завоевать дети. Мать пятилетней Данисии выкрасила волосы девочки в сенсационный красный цвет: это подчеркивает красоту ее профиля. «Она уже участвовала в 35 конкурсах», — гордо заметила мать, и дочь холодно улыбнулась.

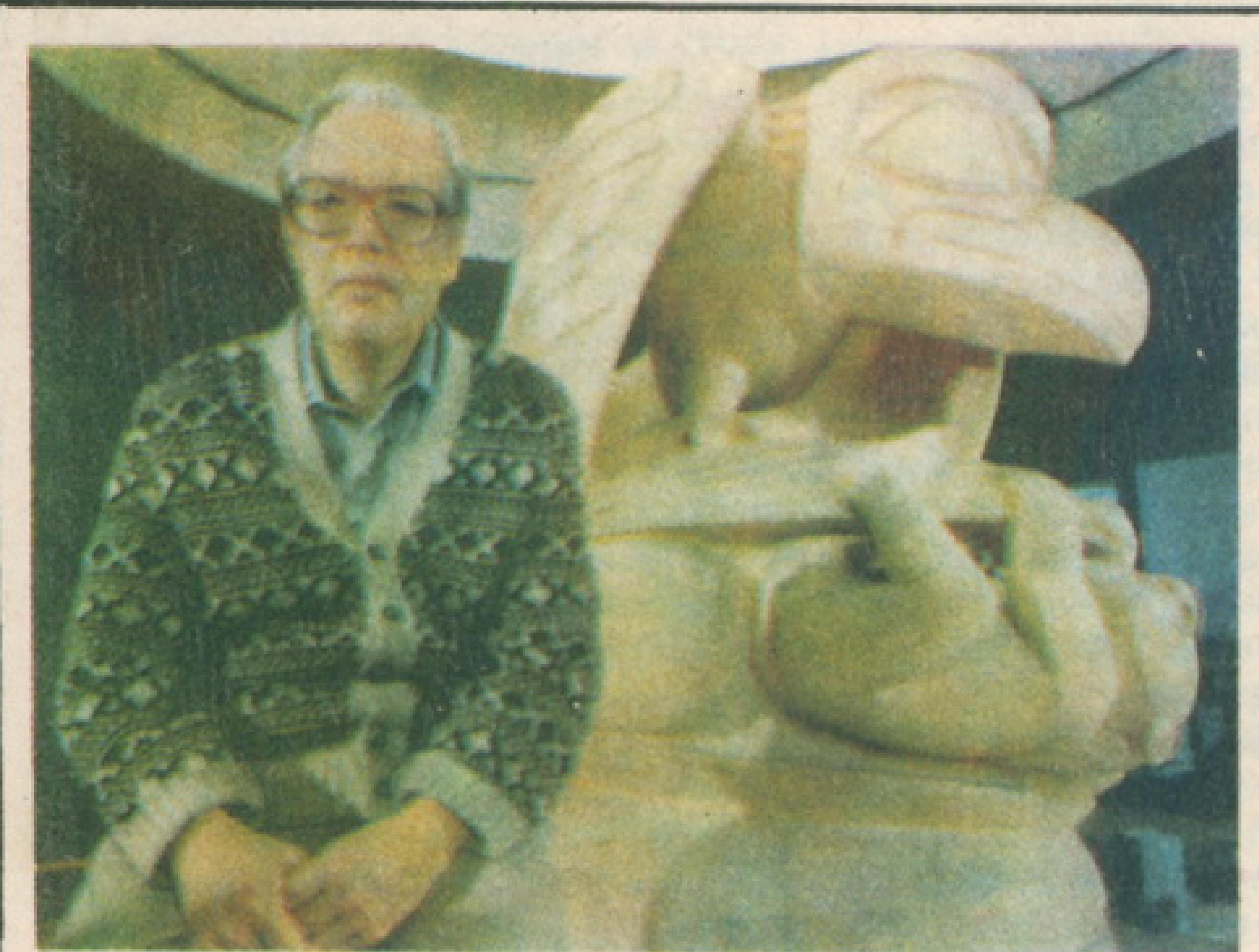
Первые слезы появились уже на второй день, когда претендентки должны были по одной представать перед камерой, сообщая свое имя и возраст. Взвинченных до предела детей заставляли вновь и вновь дефилировать по студии. Родители злобно шипели: «Черт возьми! Еще раз! Ты знаешь, что надо делать! Скажи свое имя и улыбнись». И они улыбались, улыбались...

Заключительный вечер. Коронация. Матери поспешно втискивают девчушек в моднейшие платьица, впихивают в руки букеты пластиковых цветов. И вот ведущий шоу Чак Зенк объявил имена двенадцати мисс, из которых тайным голосованием будет выбрана одна. Тут некоторые девочки отказались улыбаться. Потому что корону хотели все. «Я получу корону?» — вновь и вновь спрашивала взволнованная Дана Лайтер свою мать. Главный приз — жалкая компенсация расходов в 1000 долларов и оплаченное путешествие по Флориде — девочку не интересовал.

Наконец жюри определило королеву. Ею стала трехлетняя Дженнифер Хоз, победившая в категориях «привлекательность», «шарм», «изящество» и «миловидность». Публика восторженно зааплодировала, когда грациозная белокурая девчушка в оранжевом тюлевом платьице, с короной на голове, прижала к животу блестящий кубок и с трудом потащила его по сцене.

На этом «парад позора» закончился. Родители согласились на существование только одной победительницы: не было ни унизительных вторых, третьих мест, ни 29 проигравших. Самоуверенная Кэприлл Чемпион поцеловала своего отца накрашенными губами, а четырехлетняя Кандида Фиуза теребила мать за рукав и тянула: «Мамочка, скажи им, чтобы не проходили мимо. Ведь я еще «мисс полпинты».

Перевел с немецкого С. ВОЛОХОНСКИЙ

ЕСЛИ БЫ НЕ ВОРОН...

Огромный ворон вскрыл клювом морскую раковину, в которой были спрятаны люди. Если б не ловкий ворон, люди никогда не увидели бы белого света...

Так индейцы племени хайда, жившие на территории нынешней канадской провинции Британская Колумбия, объясняли появление человека на Земле. Потом на земле людей хайда появились белые люди. И вот цифры: в 1835 году племя насчитывало 6 тысяч человек. К началу XX века их осталось 588. Но, несмотря на усилия колонизаторов, люди хайда помнят о своем прошлом. И одним из способов сохранить себя стало для них искусство — тем более что произведения индейских художников и ремесленников пользуются сейчас большой популярностью. Орлы, вороны, бобры, киты и прочие герои индейских легенд поселились в домах меценатов, украшают музеи мира. «Пусть для тех, кто когда-то забрал нашу землю, приобретение наших работ — всего лишь выгодное вложение капитала. Для нас это возможность выжить. Наши звери вновь спасают нас», — говорит скульптор из племени хайда Билл Рейд. Его вы видите на снимке рядом со скульптурой «Ворон и первый человек».

А КТО ЗДЕСЬ ЦАРЬ?

Ну конечно, мы же привыкли, чтоб нас, людей, возили: лошади, верблюды, олени, собаки, ослы. Японский писатель Масанори Хата — один из тех, кто наконец осознал: человек не раб, но и не царь природы, а ее дитя и друг. В своих книгах он рассказывает о животных, так что они, можно сказать, кормят его. Масанори Хата платит им тем же: он создал на собственные средства заповедник «Королевство зверей» и собрал здесь животных, издавна живших на острове Хоккайдо, а теперь постепенно вымирающих.

ВЫ СПРАШИВАЛИ

О ТОМ, ЧТО БЫЛО ЕЩЕ ДО «БИТЛЗ»

Это Ринго Стар. В шкуре мамонта. В новой кинокомедии «Пещерный человек», где он играет пещерного человека. Сценарий незамысловат: Ринго, конечно, демонстрирует свое мастерство ударника, колотя чем попало по чему попало — в том числе и по лбам соплеменников. В промежутках между ударами он по велению сценариста изобретает вещи, дошедшие до нас сквозь века: к примеру, колесо, яичницу и жареное мясо. Сценарист связал героя и словарным запасом всего из четырнадцати слов. «Впрочем, это даже интересно, — говорит Ринго, — выразить весь спектр чувств и переживаний человека, пусть и пещерного, четырнадцатью словами. Кстати, я ведь и во времена своего «битловства» особой разговорчивостью не отличался».

РОВЕСНИК ВЕКА

Свое восьмидесятилетие известный всему миру итальянский драматург, режиссер и актер Эдуардо де Филиппо встретил на сцене миланского театра «Манцони», выступая в собственной пьесе. Вспоминая начало своей театральной деятельности, он рассказывает о том, как приходилось ему конкурировать с варьете и прочими завлекательными зрелищами. Много разных мод сменилось с того времени, но ни одна постановка не собирает столько народу, как комедии де Филиппо. А вообще-то юбиляр предпочитает не говорить о прошлом, его всецело занимает будущее: «Я спешу, — объясняет он, — мне надо успеть еще так много сделать. Отдых? Нет, на отдыхе я еще больше работаю. Я всегда работал и хочу работать».

Де Филиппо всей душой предан театру. Сколько раз за свою жизнь, больной, с высокой температурой, он все же не уходил со сцены. И до сих пор люди со всей Италии приезжают, чтобы послушать «такого хрупкого, такого неистового, такого настоящего» Эдуардо де Филиппо.

БЕЗ «ЛЕЙКИ» И БЛОКНОТА, НО ЗАТО С ПУЛЕМЕТОМ...

Человек, которого вы видите на снимке, — главный редактор одного из американских журналов. А на столе перед ним — предметы, подвигающие его на творчество, ибо полковник Роберт Браун служит главным редактором в журнале для наемников «Солдаты фортуны». Вдохновившись созерцанием разложенного перед ним оружия, редактор Браун пишет такие, например, объявления: «В одну из ближневосточных стран требуются наемники! 1000 долларов в месяц. Никаких налогов. Бесплатный проезд к месту службы. Бесплатная квартира и медицинское обслуживание. Ежегодный двухмесячный отпуск. Страховка жизни в размере 20 тысяч долларов».

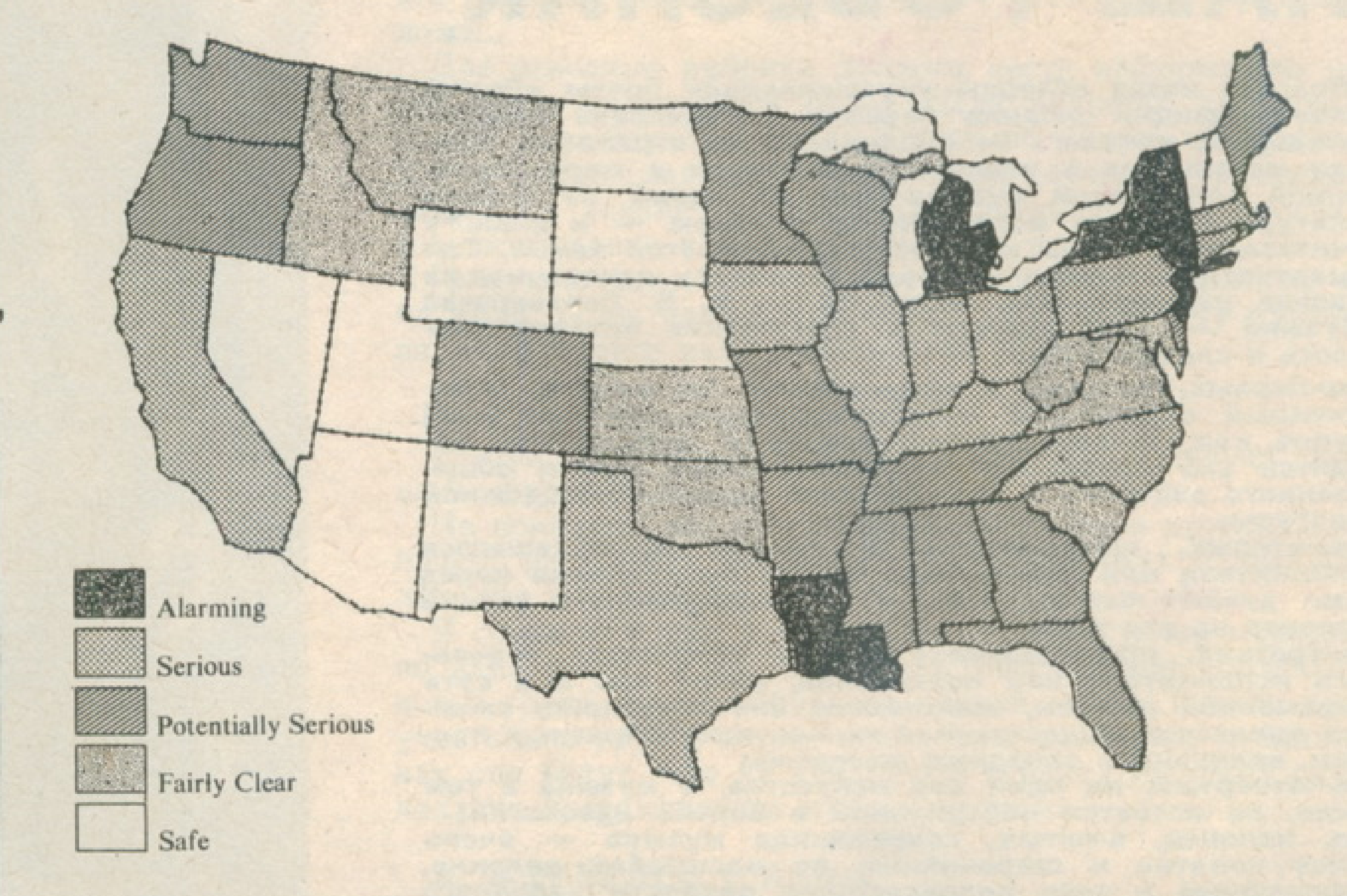
УРОК У КАРТЫ

Перед вами, читатель, карта Соединенных Штатов Америки. От самых густо заштрихованных до незаштрихованных совсем расположены (по убывающей) участки: особо опасные, опасные, потенциально опасные, относительно чистые и чистые совсем.

Эту карту составило Агентство по охране окружающей среды, обследовавшее хранилища отходов химической промышленности. Результаты следующие: ежегодно в хранилищах сосредоточиваются 35 тысяч тонн отходов, и 90 процентов хранилищ не соответствуют предъявляемым требованиям.

И вот в Медоне, штат Техас, пришла в негодность вся система снабжения города водой (обнаружилось это уже после того, как несколько жителей серьезно заболели). В штате Луизиана отравлено 540 акров плодородной земли. В Риверсайде, штат Калифорния, кислоты с соседней фабрики затопили школьный двор...

Можно перечислять и перечислять. Но, как пишет журнал «Атлантик», решения проблемы пока не предвидится: владельцам предприятий удается не только нарушать технологические нормы, но и под различными предлогами избегать наказания, когда эти нарушения обнаруживаются. «Куда дешевле, к примеру, — пишет журнал, — под покровом ночи вылить цистерну с опасными веществами на обочину дороги (как это произошло в штате Северная Каролина), чем думать о будущем».

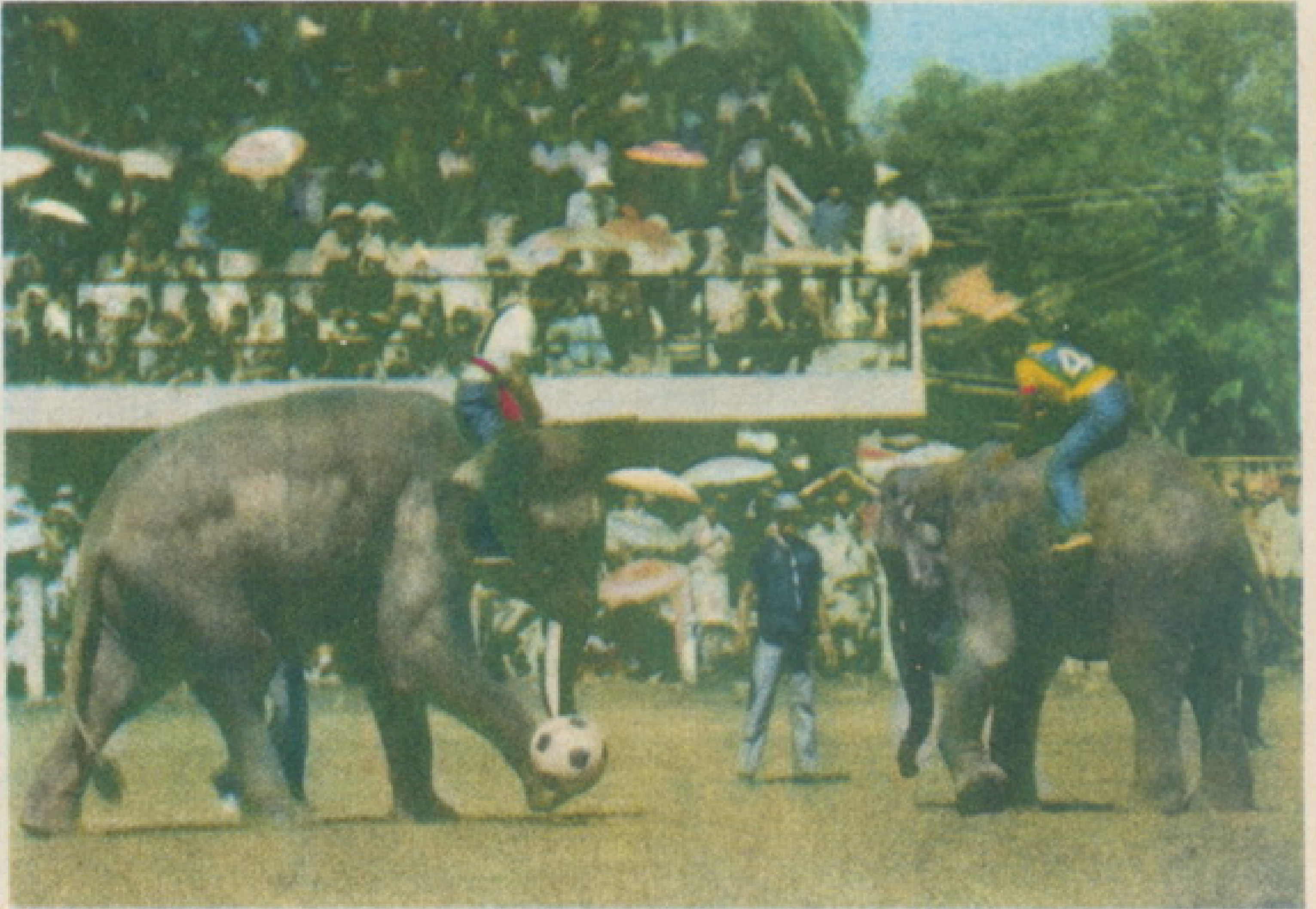

ТАНЦУЙТЕ, КАК СЛОН!

Символы неуклюжести, которые представляются нам такими выразительными, — «Слон в посудной лавке», «Танцуешь, как слон», — наверняка были придуманы людьми, видевшими слона только на картинках или, в лучшем случае в зоопарке. И что уж совсем точно, эти сравнения могли родиться где угодно, только не в тех краях, где люди с давних времен знают и широко используют способности этих умных животных. Послушайте, какие чудеса выделывают слоны на одном своем ежегодном фестивале. Да-да, это их фестиваль. Ведь они не какие-нибудь бездельники из зоосада. Они работяги с лесоповалов, и люди раз в год устраивают для них этот праздник.

Два вида спорта из программы — футбол и перетягивание каната — вы видите на фотографиях, и они в комментариях не нуждаются. Сноровка, а тем более сила, налицо (так, слон вышел победителем в перетягивании каната, выступая один против ста человек). Но есть состязания и на ловкость. Бег с препятствиями, например. Сначала надо убирать с дороги тяжелые тумбы, а потом... стеклянные бутылки! Коронный же номер такой: на землю почти вплотную друг к другу ложится множество людей, и слоны должны бежать через них наперегонки. До сих пор не было случая, чтобы кому-нибудь отдавили хотя бы палец.

И СНОВА: МУЗЫКА — НАШ РОВЕСНИК

Полгода назад обзором «музыкальной» почты «Ровесника» редакция решила перейти от довольно продолжительного монолога — публикации на страницах журнала материалов о различных явлениях в мире современной популярной музыки как об одной из сторон культурной жизни молодежи за рубежом — к диалогу с читателями, особо интересующимися этой темой. Так в мартовском номере журнала появилась основанная на анализе редакционной почты статья Л. Б. Переверзева «Музыка — наш ровесник», содержание которой сводилось к следующему:

во-первых, интерес к современной поп-музыке, ограниченный справочной информацией о той или иной группе или личной жизнью певцов и музыкантов, находится вне сферы как художественного, так и общественного значения и смысла этого явления молодежной культуры;

во-вторых, предвзятость в оценке полюбившегося исполнителя или коллектива, слепое преклонение перед ними делают бессмысленным и беспредметным всякий разговор на эту тему;

в-третьих, проникновение в суть творчества отдельного исполнителя или коллектива, равно как и в суть современной музыки, невозможно вне понимания сложных процессов общественной жизни, многообразных проблем, волнующих западную молодежь;

в-четвертых, ни один вид искусства, и музыка в том числе, не остается нейтральной в борьбе идеологий;

и, наконец, в-пятых, современная музыка — очень емкое понятие и широчайшее по масштабам явление, включающее в себя непреходящие ценности народного музыкального творчества, произведения выдающихся композиторов, работающих в самых различных жанрах, явление, в котором джаз, рок, диско и т. д. образуют лишь малую его часть.

Многочисленные отклики на статью «Музыка — наш ровесник» обнаруживают широкий спектр мнений по затронутым в ней проблемам, а также содержат вопросы, выходящие за рамки этой статьи.

Редакция благодарит читателей, высказавших свои соображения о столь сложном, многообразном и противоречивом явлении, как современная музыка, и постарается в этом и последующих номерах журнала по возможности полно предоставить им слово, оставляя за собой естественное право соглашаться или не соглашаться с той или иной точкой зрения.

А. ЗЕМЛЯНСКИЙ, г. Хабаровск:

«Для того чтобы понять человека, интересующегося музыкой, можно задать ему только один вопрос: для чего тебе нужна музыка? Ответы будут самые разные. Одному хочется воспитать себя, стать лучше, нравственнее, а другому весело провести время. Естественно, и требования к музыке у этих людей будут разные... Одни хотят знать идейный мир музыканта, а других интересует только внешний вид исполнителя... Рок-музыку надо просеивать сквозь свои мозги...»

И. СОБОЛЕВ, г. Владивосток:

«К сожалению, музыка стала модой. Если ты, например, знаешь, что Джимми Пэйдж — гитарист из «Лед Зеппелин» или все альбомы группы «Пинк Флойд» — это престижно, это поднимает тебя в глазах твоих сверстников. Вот и стараются такие «любители» достать самые последние альбомы, знать «дискографию», ошарашивать своих знакомых всякими слухами (типа «колонок с трехэтажный дом»). До самой музыки им нет никакого дела.

Надо разобраться в самой музыке, понять ее, а не только знать название группы и их альбома.

О современной музыке очень хорошо сказал Джими

Хендрикс: «Музыка — как волны океана. Вы не можете вырезать из океана красивую волну и принести ее домой. Она находится в постоянном движении...» Да, хорошую музыку слушаешь и воспринимаешь сердцем. Ее нельзя ставить для фона. Что толку в красивых мелодиях и захватывающем ритме («АББА», «Бони М»), если в душе ничего не остается? Совсем неважно, в каком стиле играет ансамбль, важно, что он играет Музыку, а не какую-нибудь коммерческую поделку.

Я считаю, что лучшие вещи рок-ансамблей — это классика нашего времени. И лет через сто они будут восприниматься как классическая музыка, так же, как сейчас Бах и Бетховен. Недаром самые лучшие группы обращаются к классике».

ВИКТОР Ф., г. Апатиты:

«Ну-ка, скажи кому-нибудь из друзей, что не любишь «поп» или «рок», ведь потеряешь всякое уважение. Так зачем же рисковать? Буду тоже «любителем».

АНДРЕЙ У., г. Феодосия:

«Человек приходит с работы и вместо чего-нибудь развлекательного его начинают пичкать всякими симфониями, ариями — вот, мол, слушай, умней, брат, это тебе не дешевая западная музыка, это шедевры, гениальные произведения. Я согласен, но я устал за день, хочу отдохнуть (я не музыкант, который пиликает 2—3 часа в день, а остальное время — гуляй), развлечься, а вместо этого мне голову забивают серьезной музыкой, от которой еще больше утомляешься. Вот, говорят, в Москве не попадешь на исполнение серьезной музыки, вот, мол, сколько любителей ее (но я думаю, что среди 7—10 миллионов жителей да еще приезжих, найдется 3—4 тысячи ценителей серьезной музыки, а их, конечно, больше). А к нам в город приехал один певец, всякие арии да романсы пел (к тому же известный), на его выступление собралось 30 человек, администрация бегала, прохожих созывала — бесплатно, чтоб пошли — и то охотников нашлось немного. А приедет какой-нибудь ансамбль (про который даже ни вы, ни я слыхом не слыхивали), и билеты моментально раскупаются... Вот я и спрашиваю: зачем же у нас так широко рекламируют и в печати и по телевидению то, что пользуется спросом мизерного количества людей?»

Б. МАНКЕВИЧ, г. Владивосток:

«А как молодые люди относятся к Баху? Знают ли они, что если хоть раз пренебрежительно усмехнулись в его сторону, то знания о музыке как об искусстве у них нулевые? И вообще, что конкретно плохого они могут сказать о классике?.. Всем, кто не понимает серьезную музыку (а отсюда и содержание всякой другой музыки), хотел бы передать: это ваш личный недостаток. Бетховен не станет хуже оттого, что вы его не слушали».

Е. СЫСУЕВ, г. Саранск:

«В вашей статье двоякий смысл и сплошные увертки от прямого вопроса, как и в других источниках информации о музыке. Вы стараетесь внушить свои суждения о музыке, хотите воспитать молодежь в духе поклонников классической музыки.

Читатели ждут информацию о певцах и исполнителях, а не воспитательных речей».

Е. ГОРНАСТАЕВ, г. Свердловск:

«Ваше справедливое негодование на читателей, которых «интересует не столько сама музыка, сколько то, что ей сопутствует и окружает», вызывает у меня и, я уверен, у многих настоящих приверженцев рока живой отклик и поддержку».

В. КРУПИН, Ворошиловград:

«Автор статьи, на мой взгляд, не прав. Узнать интересную для себя информацию о любимой группе (когда и где начали, например, свою музыкальную деятельность «Дип Пёрпл» и т. д.) не менее полезно, чем узнать о музыкальных достоинствах того или иного альбома. Ведь, дискутируя на какую-то тему, споря о чем-то, хочется как можно больше узнать о предмете спора (включая даже размеры звуковых колонок). Молодежь любознательна. Она интересуется многим. Автор же желает, чтобы читатели спрашивали и говорили в своих письмах исключительно о музыке (да еще на уровне, доступном лишь музыкальным критикам, как мне показалось), обходя стороной исполнителей».

Ю. АНИПЧЕНКО, г. Караганда:

«Когда моим сверстникам было по 14—16 лет, мы были на голову ниже теперешних акселератов, но подобных просьб не писали и не были так наивны (вспомните о колонках с 3-этажный дом). Мы сами искали, собирали по крупицам сведения, интересующие нас. Я сам «забирался» во все журналы, имеющие отношение к музыке. А тут люди, и среди них взрослые, не утруждая себя, пишут такое. Если что-то хочешь узнать, поищи, поспорь, пусть это с пóтом к тебе придет, тогда это принесет тебе пользу. А тут — разжуй да в рот положи...

Две основные рубрики должны нести информацию — это вновь родившийся отдел «Для ведущих дискотек» и «Вы спрашивали». Все. И больше ничего не нужно. Да, и самое главное — ни в коем случае не размениваться на всякие там «азбуки... дискографии... биографии всем давно известных групп» и т. д.

Пишущие такое — люди ограниченные, недалекие, и их мало. А вы нанесете большой урон престижу журнала, если будете размениваться на подобное».

В. С., г. Петропавловск:

«Читал пожелания и просьбы других читателей вашего журнала.

Не понимаю, вас просят одно, вы делаете другое. Вас просят рассказать побольше об исполнителях и ансамблях. Вы нас пичкаете статьями о музыке вообще...

Я согласен с тем, что надо писать и о стилях музыки, но надо писать и объяснять нам выступления коллективов и групп, о чем-нибудь из личной жизни певцов или участников групп, о том, как к ним относится публика, как они ведут себя на концертах, о каких-то ярких случаях их биографии и о многом другом».

К. ЖУРАВЛЕВ, г. Братск:

«Вы правы, когда удивляетесь тому, что «...многие... разделяют точку зрения Е. Цветкова из Новодвинска, надеющегося прочитать о чем-нибудь из личной жизни певцов... о том, как они ведут себя на концертах». Признаться, я тоже удивлен. Зачем «любителю музыки» знать, какой высоты у «Пинк Флойд» звуковые колонки? А завтра «любитель» спросит у вас, какого размера туфли носит солист этого ансамбля Дэвид Гилмор... Это обыкновенная мишура, они, может быть, и любят музыку, но поверхностно, любят внешность».

А. БЫКОВ, г. Казань:

«Проводить анкетный опрос (читателей о популярности. — **Ред.**) западных звезд считаю бессмысленным. А копаться в личной жизни звезд считаю по меньшей мере нетактичным».

В. СКРИПКА, г. Рязань:

«Хочу выразить свое мнение о «плохой» и «хорошей» музыке. Для меня нет особой разницы между классической и популярной (рок, диско и т. д.) музыкой. Я не могу читать книгу, когда играют «Пинк Флойд», так же, как и когда я слышу «Лунную сонату». Как говорят некоторые, это музыка для души. В эту же категорию входят и «Дип Пёрпл», и народные баллады в исполнении «Стикс» или «Урия Гип». Но нужна и другая музыка. Она необходима, как коврик в ванной. Есть она — хорошо, нет — переживу. Это «Бони М», «АББА». Я могу заниматься любым делом и слушать эту мýзыку — одно здесь другому не мешает. Поэтому я разделяю музыку на серьезную и пустую. Для меня нет классической отдельно и эстрадной отдельно».

В. БАБЕНКО

«ЛИК, ОТКРЫТЫЙ НЕНАСТЬЮ И ВЗОРАМ...»

Искусство улиц... Этот термин понятен всем, но имеет множество значений. Ярмарочные балаганы, театральные шествия под открытым небом, скоморохи, барды и менестрели, поющие людям на площадях больших и малых городов, — можно привести еще немало примеров. Но сейчас речь пойдет о другом — об искусстве украшения жилищ, о стенной росписи. О том, что понятие «уличное искусство», или «уличная живопись», обрело в последние десятилетия совершенно определенный и новый смысл...

Поставим такой вопрос: насколько глубоко в прошлом коренится желание человека выделить свой дом из ряда подобных, превратить его, хотя бы внешне, в крохотный островок, заметный издали в безмерном море окружающего мира, и в чем мотивы этого желания?

С древнейших времен во многих русских деревнях существует обычай украшать избы резными наличниками, венчать их красивыми коньками, водружать сверху охлупни в виде головы петуха, коня, оленя... Петух, конечно, птица обычная, в деревенских курятниках их множество. Но резчики и не стремились увековечить образ петуха или лошади. Изображенные в дереве, животные и птицы становились предметами искусства. А как раз искусства — причем такого, которое радует не одного-двух человек, а всех в округе, — и не хватает в повседневной жизни. И все избы получались разные, ни одна на другую не походила. Отметим это как принцип: ни одна на другую не походила.

...В Южной Африке живет народность амандебеле, принадлежащая к группе банту. Деревни амандебеле — зрелище уникальное. Стены хижин — это великолепные панно, где сочетаются многоцветные, волшебные по колориту геометрические узоры. Росписью стен занимаются только женщины. Таково традиционное разделение труда: мужчины ходят на охоту и возделывают землю, женщины ведут хозяйство, готовят пищу и... мастерски рисуют. Конечно, для каждой семьи узор несет свой символический смысл, амандебеле читают эти картины, но еще и любуются ими. И африканцам совершенно безразлично, что художники поп-арта в западных странах многое отдали бы, чтобы научиться именно такой точности и гармоничности абстрактных узоров. Некоторые специалисты утверждают, что великие художники нашего века — Пикассо, Леже, Модильяни — знали об искусстве юго-восточных банту, видели его образцы и вдохновлялись ими. Сопоставляя картины Леже и живопись амандебеле, в это веришь.

О корнях живописной традиции амандебеле можно говорить много. Затронем только одну сторону: представим себе южноафриканский вельд. Буро-красная земля, невысокие кустарники, круглый год над головой субтропическое солнце. В местах обитания амандебеле природа не расщедрилась на краски, поэтому цветной мир вокруг надо было создавать самим. Чтобы, озирая раскрашенную собственными руками деревню, хоть на время забывать о расстилающейся вокруг монотонной саванне.

Еще один образец уличного искусства, но другого рода. В итальянской области Ломбардии затерялось маленькое селение Миссалья. Неприметное, с вековечным укладом жизни, и было бы оно никому не известно, если бы не одна особенность. На стенах домов, обшарпанных, изъеденных временем, кое-где над облезлой деревянной дверью, кое-где во всю стену в три этажа старинные фрески. Сколько им лет, определить трудно: век, два, может, больше? Тематика в основном религиозная. Есть фрески на рыцарские мотивы, отражающие, вероятно, эпоху крестовых походов. Это крестьянское искусство. Видно, что работали не мастера, не профессионалы, а просто более или менее способные местные художники из тех, кого можно назвать «богомазами». Но искренность чувствуется во всех фресках. Искренность и истая убежденность живописца в необходимости своего труда. Только ли религиозное рвение толкало художников на тяжкую работу — расписывание сотен квадратных метров сырой штукатурки? И ведь не собор, не храм расписывали — обыкновенные неказистые жилые дома. Вот в неказистости, видимо, и дело. Надо, очень надо было хозяевам, чтобы дом стал «казистым», помеченным печатью необычности. Будут проходить люди — остановятся, посмотрят, задумаются. В текучих, как медленная вода, буднях мелькнет что-то светлое, а главное, свет этот для всех, не только для заказчика фрески. Конечно, непогода берет свое, но и потускневшие, истрескавшиеся настенные картины служат все той же цели. Каждая из них — островок в монотонности бытия, подарок идущим мимо.

...Вернемся в XX век. Нынешнее монументальное искусство — искусство росписи стен, создания муралов — прежде всего и в лучшем своем виде зародилось в Мексике после мексиканской революции. В 1921—1922 годах Диего Ривера создал свою первую монументальную роспись. И в 1922 году уже был образован Синдикат революционных живописцев, скульпторов и технических работников, организованный Риверой, Ороско и Сикейросом. «Социальная, политическая и эстетическая декларация» Синдиката, в частности, гласила: «...Мы заявляем, что, поскольку данный момент является социальным переходом от старого, прогнившего строя к новому, творческие работники должны направить все усилия на создание искусства для родного народа, искусства, идеологически содержательного; на то, чтобы сделать искусство... искусством для всех, средством воспитания и борьбы...»

Художники выносили свои картины — и идеи! — на стены зданий, в холлы университетов, расписывали интерьеры учебных заведений и детских приютов, чтобы воспитывать искусством, языком живописи рассказывать людям об истории национально-освободительной борьбы и революции, о социализме, его идеалах и вождях, о капитализме и его проклятии. Они выпустили искусство на улицы и воплотили на практике то, о чем Владимир Маяковский сказал: «Иди, искусство, из массы и для масс». Они осознавали, что новые идеи требуют новых форм, новых средств воздействия на сознание, поэтому искали иные, чем холсты, плоскости — и находили их на стенах зданий; иные краски, чем масляные, — и создавали свои, синтетические. Смелые и буйные, которые не боялись непогоды. Понимали художники и другое: современному городу нужен Цвет. Его улицы скучны и безлики, их следует одеть в яркие одежды, чтобы городская среда не угнетала психику, а радовала души. И монументалисты-новаторы многого в этом преуспели.

Но вот в конце 60-х — начале 70-х годов в Америке наметился новый бум монументального искусства. Вроде бы все похоже: огромные плоскости, полностью расписанные брандмауэры [1], «вечные» краски... Правда, сюжеты самые разные... И направления различные: тут — реализм, там — поп-арт, здесь — сюрреализм, там — нечто психоделическое...

Бум порожден был рекламой, детищем и воплощением «американского духа» — его величеством Паблисити [2]. Многие фирмы начали нанимать художников, чтобы те расписали фасад фабрики или глухую стену в рабочем квартале и чтобы картина кричала: «Купи!» Такая муральная живопись служит рекламе и сейчас — в Нью-Йорке, Чикаго, Детройте, Лос-Анджелесе, Сан-Франциско. Но... в меньшей степени, чем, скажем, десять лет назад. Приключилось то, чего и следовало ожидать: искусство, поначалу подмятое рекламой, вырва-

---

[1] *Брандмауэр (нем.) буквально: «пожарная стена», глухая стена дома из огнеупорного материала, чаще всего каменная. — Примеч. авт.*

[2] *Паблисити (англ.) — слава, известность, реклама. — Примеч. авт.*

лось из подчинения. В тех же Нью-Йорке, Чикаго, Детройте возникли ассоциации художников — опытных и новичков, мастеров и подмастерьев,— которые поняли: они нужны не фирмам, а людям. Ярко раскрашенный дом — пусть один в квартале! — резко меняет атмосферу и самое жизнь в этом квартале. Причем прохожие не только обращают внимание на мурал, а и смотрят вокруг новыми глазами. И замечают серость неприступных бетонных стен, однотипность унылых громад. А когда взгляд возвращается к настенному полотну, мир вновь обретает потерянные где-то и когда-то краски.

Так художники начали сознательный бунт против угрюмого урбанистического пейзажа. «Уличное искусство» — термин закрепился и стал уже в полном смысле слова искусствоведческим — стало протестом против антиэстетизма городской среды, а художники получили новые мощные средства для выражения своих идей. Более того, новые муралы помогли пробуждению индивидуальностей самых разных людей, которые ранее и не помышляли об активных действиях, они служили единению горожан в борьбе с нежелательными явлениями жизни.

На одной из улиц американского города Торонто взорам прохожих открывается следующая картина. Десятки машин, стоящих плотно в три ряда, занимают весь боковой тупик, причем дальние автомобили упираются капотами в стенку. Ни выехать, ни развернуться. И не сразу догадаешься издалека, что автомобильное столпотворение нарисовано на высоченном брандмауэре, а реальных машин — всего несколько штук на переднем плане, они припаркованы на обыкновенной стоянке. Язык этой своеобразной панорамы предельно ясен: она рассказывает об угрозе, которую нашествие машин несет жителям городов.

Как заявила одна девушка, живущая в Сан-Франциско — городе, где муралов довольно много: «Что касается меня, то я вижу в уличном искусстве цветной крик, обличающий загрязнение среды; это упадок упадка, но есть надежда». А журналисты Астрид Шиппер и Сильвен Лаббон, опубликовавшие во французском журнале «Атлас» статью «Уличное искусство в США», увидели в нем «новый миф о Прометее: искусство отобрали у торговцев и отдали людям, оно далеко, очень далеко от галерей и музеев, оно свободно и непрочно, его окрашенный лик открыт ненастью, но и взорам людей».

Здесь подчеркнута важная особенность. Муралы действительно далеки от музеев и галерей. Музеи — для любителей искусства, настенные фрески — для всех. В галереях надо платить за вход, монументальную живопись обозревают бесплатно. И главное: музеи услаждают души отдельных людей, мурал становится душой (а иногда и совестью!) целой улицы.

Совершенно особую роль уличное искусство играет в районах национальных меньшинств — в негритянских и пуэрто-риканских гетто, в кварталах чиканос — местах мрачных, где давление жизни особенно велико. Появились превосходные негритянские художники, например, Уильям Уокер и Дана Чандлер, которые подняли уличную живопись на уровень подлинного мастерства. Но и граффити — примитивные рисунки, выполненные любыми попавшимися под руку красками, самыми разными людьми, — тоже своего рода уличное искусство.

«Мир теперь... мир теперь... мир теперь...» — кричит кирпичная стена в Нью-Йорке. И снова: «Мир!» И: «Любовь!» И: «Нет войне!» Островок мира, пусть даже кирпичный, непрочный, открытый дождю и снегу, — в современной Америке, бряцающей оружием, это что-то да значит.

Уличное искусство пришло и в Западную Европу. Вот, например, дом в датском городе Бранде: по фасаду — голубое небо, в котором летят разноцветные воздушные шарики. Светлые тона, ощущение весны, тепла и легкости... Кто автор картины? Нет ответа. Скорее всего жители дома с ним знакомы, но для всех остальных он остался безымянным. Стена не музей, таблички с фамилией художника здесь не вывесишь. Это тоже особенность уличного искусства. Живописцы не гонятся за славой, не пытаются обессмертить имя. Украсив улицу, они уходят в неизвестность; оставаясь в тени, они дарят картины городу и миру.

В Париже есть улица, на нее глухой стеной выходит дом, а по стене этой, в самом ее центре, идет человек бодрым шагом, но как-то странно. Конечно, человек не живой, а нарисованный, однако мысль о шутке художника приходит в голову не в первую секунду: фигура выписана с фотографической точностью. Странность же походки вот в чем: нарисованный пешеход идет... иноходью. То есть выбрасывает правую руку вперед одновременно с правой ногой, а левую руку — с левой ногой. Люди обычно так не ходят: это противоестественно. Каждый может попробовать и убедиться, что такая ходьба неудобна и проку в ней мало.

В чем суть этой картины? Представим себе: люди спешат на работу, с работы домой, в магазин или еще по какой-либо надобности, и вдруг им в глаза ударяет нечто призывающее: «Остановитесь! На минуту оторвитесь от ваших забот. В мире есть странные вещи, которые вы в суете пропускаете. Оглянитесь вокруг!» Скучный человек бросит взгляд и устремится дальше. Но скучных людей мало, а в сердца остальных войдет удивление. Разумеется, настенный пешеход-иноходец — шутка, но в ней есть смысл. Заметим еще, что муралы, помимо идейной нагрузки, несут и чисто декоративную. Написанные яркими красками, поражающие своими размерами, они украшают улицу. В нынешних городах, особенно в районах, построенных в прошлом веке или в первой половине нашего столетия, где преобладает серый, «бетонный», или темно-красный, кирпичный, цвета, где царит чаще всего однообразие, эта декоративная функция приобретает особо важное значение. Впрочем, и в новых районах монотонность застройки — явление почти повсеместное, и говорить о нем подробно было бы банальностью. А ведь человек, вспомним лишний раз, существо с цветным зрением, радугу после дождя он видит далеко не каждый день, и цветных пятен в жизни ему порой очень не хватает.

...Улица Бёттхерштрассе в Бремене. В 20-е годы владельцы местных кофен финансировали колонию художников, и те превратили старую улицу ганзейских ремесленников в музей. Но осталась голой и непривлекательной задняя сторона Бёттхерштрассе, и по прошествии пятидесяти лет за нее взялись муралисты 70-х. Художники Отмар Альт, Вернер Нёфер, Бернд Шверинг и Йан Фосс — в данном случае их имена известны — создали там нечто вроде музея современного искусства. Здесь и стилизованные птичьи головы в ярких тонах, и небеса с безмятежно плывущими облачками, и вполне реалистично выписанная автомобильная стоянка (опять автомобили!), и фигуры, явно заимствованные у сюрреалистов. А краски — чистые, сочные, приятные глазу. И в верхней части синего поля под красным сердечком выведено: «Улица полна неожиданностей...»

Казалось бы, трюизм, но в данном случае звучит очень верно. Особенно если на улице — будь то в Париже, Бранде, Бремене, или в селении амандебеле — живут художники. И думают о своих соседях по дому, по кварталу, по миру. И хотят сделать для них что-то светлое. А по улице идут эти соседи — со своими заботами и печалями. Они удивляются и останавливаются. Как будто плыли-плыли по пасмурному океану под ненастным небом, и вдруг тучи рассеялись, а впереди — островок, теплый и неожиданный...

Вверху: фреска на здании ЦК Португальской коммунистической партии в Лиссабоне; внизу справа: фрагмент мурала Д. Сикейроса «Революция».

LUCHIN

D A D
Fragil como un volantín,
A D
en los techos de Barrancas
D A D
jugaba el nino Luchín
A D
con sus manitos moradas.
A G
Con la pelota de trapo
A G
con el gato y con el perro
D A
el caballo lo miraba.

En el agua de sus ojos
se banaba el verde claro
gateaba su corta edad
con el potito embarrado
con la pelota de trapo
con el gato y con el perro
el caballo lo miraba.

El caballo era otro juego
en aquel pequeno espacio
y al animal parecía
le gustaba ese trabajo
con la pelota de trapo
con el gato y con el perro
y con Luchito mojado.

Si hay ninos como Luchín
que comen tierra y gusanos
abramos todas las jaulas
pà que vuelen como pàiaros
con la pelota de trapo
con el gato y con el perro
y también con el caballo.

ЛУЧИТО

Хрупкий и несуразный
в бедном предместье жалком
Лучито, мальчонка грязный,
по смрадным ползает свалкам.
В тряпичный мяч замарашка
играет день напролет.
Друзья Лучито — дворняжка,
худая лошадь и кот.

Глаза его детские вяло
мерцают зеленью робкой.
Знакомы все лужи квартала
с его бесштанною попкой.
Друзья Лучито — дворняжка,
худая лошадь и кот.
С мячом своим замарашка
к ним поиграть ползет.

Худая лошадь мальчонку
добрым ласкает взглядом,
словно бы жеребенка,
который топчется рядом.
Ей нравится замарашка
с мячом тряпичным, и кот,
и даже ворчунья дворняжка,
которая спать не дает.

Глина, жуки и корни
служат Лучито пищей.
Когда мы птенцов накормим
нашей родины нищей!..
Лошадь, кот и дворняжка,
грязный тряпичный мяч.
А рядом спит замарашка.
Тоска такая — хоть плачь!

Перевел с испанского
П. ГРУШКО

Индекс 70781
Цена 25 коп.

Письмо, которое мы приводим здесь, пришло из Чехословакии. В конверт была вложена и песня Виктора Хары.
Это письмо от одного из молодых чилийских патриотов, которые вот уже семь лет — после кровавого фашистского переворота, случившегося в сентябре 1973 года, — живут в эмиграции в ЧССР, в нашей стране, в других социалистических странах. Живут с надеждой и верой, что их родина вновь станет свободной.

¡CHILE VENCERÁ!

Checoslovaquia: 9 de mayo de 1980

¡Estimados compañeros de Unión Soviética!

Привет вам от молодово сердца которово Родина есть далеко, моя другая Родина есть Чили.
Я знаю ваш Ровесник у тоже нужно написать что он мне очень нравиться. Я имено 15 Ровесников в которые вы писаете о Чили, о нашей борьбе, тоже некоторые песьни от Серхиа Ортеги, Віктора Хары и других товарищей.
Всё, что вы написали в этих Ровесниках (в г. 1978/79) я переписала на испанский язык для читания моих друзей. Мы очень радуемся всему, что вы написали в Ровеснике о нашей Родине, о родине Сальвадора Алленде Госсенс, товарища президента. От моих друзей из СССР я имею несколько книг на русском языке которые раскazывают о Чили. Этих я тоже переписываю на испанский язык. Сегодня например "Чили. Корвалан, борьба". Она очень интересно написана и мои друзья ждёт каждой новой страници на испанском языке. Работа нелегкая, но интереска и я знаю что она нам очень помогает в нашей борьбе. Мы очень радуемся когда читаем новые информации о Чили. Мы знаем, что в нашей борьбе идёт с нами дальшие люди, коммунисты. Они помогают нам своей солидарностью, так как и ваш Ровесник.
Спасибо за это товарищи, спасибо за всё что вы сделаете, спасибо за вашу солидарноту с народом Чили! Спасибо за ваше руки, которые нам подаваете, чтобы мы продолжалы с вами путь по дороги социализма!
Чили, наша дорогая Родина, тоже победит над фашизмом, империализмом! ¡¡CHILE VENCERÁ!!
На этом кончаю свое письмо для вас.
Вашему Ровеснику мы желаем много успехов!

Con muchos saludos y con un fuerte abrazo a todos los compañeros de lucha:
¡Abajo Pinochet - mierda!
¡VENCEREMOS!

un grupo que se llama "Amigos de Chile"

¡POR CHILE VENCEREMOS!
"Amigos de Chile"

Yarca +
José Victor Ramírez Costa
CHILE

Адрес:
YARCA SLAMUVÁ DE S.
+ JOSÉ VÍCTOR RAMÍREZ COSTA
(улица) - HUSOVA 896
66451 ŠLAPANICE U BRNA
- CHECOSLOVAQUIA -

Husova 896
664 51 ŠLAPANICE